

GOORD КОВЧЕГ • ЭДЕМ

98% ШАНС НА ГИБЕЛЬ.
2% ШАНС ВСЁ ИЗМЕНИТЬ.

GOЯD

— К О В Ч Е Г —

ЭДЕМ ∞ ПОРОГ

ТОЧКА ВХОДА: АВАЛОН • ВЕТВЬ 2%
ДВА ВХОДА • ОДНА ПРИЧИННОСТЬ

LET SHINE • KARTER KHAN

18+

Karter Khan
GORD ЭДЕМ

«Автор»

2026

Khan K.

GORD ЭДЕМ / К. Khan — «Автор», 2026

Леви привык замечать то, мимо чего другим проще пройти: неверное показание датчика, неисправную дверь, человека по ту сторону механизма, пока на панели всё ещё горит зелёный. Именно поэтому ему предлагают три дня на закрытом объекте на Севере. Без обязательного контракта и с правом отказаться. Его задача проста: остановить испытание, если он увидит опасность раньше системы. В Авалоне чужие технологии становятся частью повседневной работы. Здесь Леви знакомится с людьми, с которыми будет спорить, чинить шлюзы, есть за одним столом и принимать решения, цена которых со временем станет слишком высокой. Первые сбои кажутся техническими. Но вскоре становится ясно: система умеет рассчитывать вероятность, но не умеет отвечать за человеческий выбор. «Эдем» — самостоятельная точка входа во вселенную GORD. История Леви, Авалона и команды до событий, которые изменят их навсегда.

© Khan K., 2026

© Автор, 2026

Karter Khan

GORD ЭДЕМ

ГОЯД Эдем
Karter Khan

Камлан

Часть

I

Люди до списка потерь

Глава 1 До списка

К утру в холодильной секции испортились три ящика клубники. Запах был слабый, ещё сладкий, и потому сменный мастер хотел закрыть дверь, поставить подпись и оставить товар до приезда владельца.

— Он сам разберётся, — сказал мастер. — Не наша страховка.

Леви сунул ладонь под решётку испарителя. Воздух шёл прохладный, но не холодный. На нижней полке выступила вода. Верхний датчик показывал четыре градуса; нижний, ручной, который они повесили на крючок после ночной разгрузки, показывал одиннадцать.

— Я в журнале отмечу оба, — сказал Леви.

— Отметь хоть день рождения своей матери. Клубника уже мягкая, что ты хочешь ей помочь?

— Следующая машина везёт молоко.

Мастер посмотрел на накладную. До машины оставалось сорок минут. Он выругался, взял рацию и велел перенести молоко в соседнюю секцию. Там пришлось убрать две тележки замороженной рыбы, а рыбу — на короткое хранение в рефрижератор. После смены водитель выставил им счёт за лишний час работы двигателя. Мастер положил бумагу перед Леви левой стороной.

— Это из твоей премии.

— Премия ещё была?

— Была бы, если бы я умел выбирать людей.

Леви подписал температурный лист и оставил его на столе, не на стойке для готовых накладных. Сменный мастер захлопнул журнал так сильно, что из него вылетела закладка — чек из столовой. Леви положил его обратно между страниц. Они спорили уже третий месяц и до сих пор не научились делать это без уборки.

Снаружи пахло мокрым асфальтом. На стоянке молодой грузчик Миша пытался запихнуть велосипед между двумя машинами, чтобы не оставить его под дождём. Леви сдвинул свой старый универсал на полметра. Машина не завелась с первого раза; аккумулятор просил замены с весны.

— Я бы купил новый, — сказал Миша.

— Купи.

— Себе?

— Мне.

Миша засмеялся и затолкал велосипед в освободившийся зазор. Леви помахал ему через стекло и только после этого выехал со стоянки. Половину дороги домой дворники двигались рывками. Он обещал себе заняться ими в выходной, как обещал уже две недели.

Возле дома продавали хлеб из багажника фургона. Пекарня на первом этаже закрылась, но водитель продолжал приезжать по старому маршруту: несколько жильцов оставили ему номера телефонов. Леви купил два батона, хотя жил один. Один предназначался Галине Петровне этажом ниже. Она брала только половину и уверяла, что остальное ему самому понадобится.

На лестнице он встретил её с тазом. В нём лежали мокрые полотенца и детские носки — внук гостил у неё по выходным. Из кухни квартиры доносилось ровное капанье.

— Только не говори, что опять смеситель, — попросил Леви.

— Тогда не буду.

Она сунула ему таз. Леви принял, поставил на подоконник и снял куртку. До выхода на следующую смену было одиннадцать часов. Он рассчитывал поспать семь, если вода не добралась до нижнего этажа.

Кран оказался исправен. Под мойкой лопнула тонкая прокладка на фильтре. Леви перекрыл подачу, поставил под соединение миску и попросил старую зубную щётку. Галина Петровна дала новую, в упаковке.

— Издеваетесь?

— Детской щёткой он всё равно зубы не чистит. Ему не нравится зелёный цвет.

— Мне тоже.

Она принесла полотенце для пола. Леви вычистил резьбу, нашёл у себя в машине запасную прокладку и поставил её. Когда открыли воду, под фильтром осталась одна капля — от его руки. Галина Петровна присела перед шкафчиком, провела пальцем по соединению и снова встала.

— Половину хлеба заberi, — сказала она.

— Он для вас.

— А мне столько нельзя. Врач сказала.

— Вы спрашивали, сколько конкретно?

— Не начинай работать за моего врача.

Она отрезала ему половину, намазала край маслом и велела съесть сейчас. Леви ел стоя у мойки, пока она рассказывала, как внук отказывается от зубной щётки, зато часами чистит ею колёса игрушечного грузовика. Он хотел уйти после первого куса; дослушал до момента, когда грузовик пришлось мыть уже настоящей щёткой.

У себя Леви бросил куртку на спинку стула. В прихожей стояли ботинки, которые надо было отнести к сапожнику. На кухонном столе лежал конверт с оплатой электричества, рядом — три плохо заточенных карандаша. Мише он обещал показать, как проверить аккумулятор без мастерской; на листке у телефона записал «пятница».

Он успел поставить чайник, когда позвонили.

Звонил не домашний телефон. Старый аппарат в верхнем ящике стола запищал коротко и замолчал. На экране не было номера — только четыре цифры внутреннего вызова. Леви смотрел на них, пока вода в чайнике не начала шуметь. Потом взял аппарат.

— Если это сверка резервистов, у вас плохое время.

— У меня ваше, — сказал Волков. — Через двадцать минут в кофейне у трамвайного кольца.

— Вы можете начать с приветствия.

— Могу. Ты придёшь?

Леви выключил плиту. В кухне вдруг стало слышно капли с его куртки на линолеум.

— Я после ночной смены.

— Поэтому через двадцать минут. Потом уснёшь и будешь умнее.

Леви не пообещал прийти. Он всё же достал из шкафа сухую рубашку.

* * *

Волков сидел за столиком у окна, лицом к входу. На нём была гражданская куртка с оторванной петелькой; стакан кофе остывал нетронутым. Леви помнил его по другой одежде и по тому, как он когда-то ругался с водителем эвакуационной машины из-за лишних двадцати метров маршрута. Водитель считал их мелочью. На этих двадцати метрах находилась лестница, по которой не проходили носилки.

— Сколько лет? — спросил Волков.

— С последнего раза? Четыре.

— Ты не изменился.

— Ботинки другие.

Волков опустил взгляд под стол. Леви мысленно отметил, что правый ботинок снова разошёлся у пятки. Оба сделали вид, что этого не произошло.

Официантка принесла кофе и пирог. Волков подвинул тарелку к Леви.

— Я не просил.

— Знаю. У вас в холодильнике на работе сегодня отключалась секция. Ты не ел после смены.

Леви не притронулся к пирогу.

— Вы следите за моим холодильником или за мной?

— За тем, кого могу взять в проект. Работа закрытая, медицинская проверка обязательна. Три дня на месте без подписания постоянного контракта. Потом решишь.

— Хорошо звучит, пока не спрашиваешь, где место.

— Север. Старый военный объект. Доберёшься транспортом, обратный билет выдадим до вылета.

Леви взял вилку. Пирог был тёплый. Он отрезал кусок и ждал остального.

— Мне нужен человек, который остановит испытание, если кто-то окажется за закрытой дверью, — сказал Волков.

— На закрытом объекте нет своего дежурного по безопасности?

— Есть. Их двое. Оба считают, что сигналу на панели можно верить больше, чем человеку за дверью. Я не беру тебя вместо них. Я хочу, чтобы рядом был третий.

Леви отложил вилку. Волков знал, на какую его привычку нажимать, и делал это слишком открыто. В этом была хотя бы честность. Не тот сорт, на котором строят дружбу, но пригодный для первого разговора.

— Что испытывают?

— За двадцать минут в кофейне я этого не расскажу.

— Тогда я не поеду.

Волков достал плотный лист. На нём было написано «предварительный допуск» и две строки, ещё пустые: медицинское согласие и разрешение на участие в тестах. Не контракт. Леви перевернул лист. На обороте стояли имя врача, внутренний номер и порядок отказа. Там же — телефон для связи с внешним миром после первичного досмотра.

— Почему не дать мне это по телефону?

— Потому что ты должен видеть, что я не прошу подписи на второй строке сегодня.

— А если на месте попросят?

— Скажешь нет. Я видел, как ты это делаешь.

Леви снова прочёл имя врача. В графе ниже значился Семён Игоревич без фамилии, руководитель объекта. Слишком высокая ступень для человека, приглашённого проверить двери. Или ступень, с которой удобнее смотреть, как кто-то другой делает опасную работу.

— Кто уже отказался? — спросил он.

— Двое из первой группы. Оба вернулись домой.

— А кто не вернулся?

Волков сидел молча. Официантка у стойки пересыпала ложки из посудомойки в лоток; несколько упали, она собрала их по одной.

— Один техник в медблоке, — сказал он. — Жив. Не из-за того, что вы назвали бы боевой работой. Мы плохо подготовили обычный подъём груза.

Леви посмотрел на него. Потом перевернул допуск и ещё раз прочёл номер врача.

— Я возьму бумагу, — сказал Леви. — И проверю ваш обратный билет.

— Проверь.

— Если мне предложат подписать то, что нельзя потом отменить, я сначала позвоню отсюда человеку. Не через вашу линию.

— Это уже четвёртое условие.

— Значит, вы записываете.

Волков достал ручку. Леви допил кофе, который никто ему не заказывал, и оставил половину пирога. Волков доел её, пока они уточняли время вылета.

* * *

На обратном пути Леви заехал за новой прокладкой для фильтра Галины Петровны. Он уже поставил запасную, но не любил оставлять человека без такой же на следующий раз. Продавец протянул ему упаковку из пяти штук. Леви попытался купить одну. Ему предложили вырезать ножницами из набора, если он хочет платить как за пять, но выглядеть победителем.

В квартире он заполнил только строку допуска. Запер документ в ящик, поставил будильник и лёг. Уснул не сразу: за стеной внук Галины Петровны гонял свой игрушечный грузовик, и колёса то и дело ударялись о ножку стола. Леви думал, что завтра придётся объяснить мальчику, почему зелёная зубная щётка снова лежит в ванной, а не рядом с гаражом из обувной коробки.

Проснувшись, он сделал то, на что утром не хватило сил. Поменял аккумулятор в машине на деньги из последней смены, сходил к сапожнику и оставил ботинки до пятницы. Мише написал, что поездка откладывает их урок по проводам на три дня; Миша ответил фотографией велосипеда, засунутого между машинами, и подписью: «Он переживёт». Леви попросил больше не ставить колесо у выхлопной трубы.

Вечером Галина Петровна открыла дверь прежде, чем он постучал. Внук выглянул из-за её ноги, заметил пакет с прокладками и тут же разочаровался.

— Я уеду на три дня, — сказал Леви. — Если потечёт, не затягивайте силой. Вот номер слесаря. Он днём отвечает.

— А ночью?

— Ночью позвоните мне.

— И ты явишься с Севера?

Он не говорил ей, куда едет. Она постучала пальцем по конверту, торчавшему из его кармана: на нём были координаты и название аэропорта.

— Я позвоню слесарю сам, — сказал Леви.

— Вот это уже услуга.

Она взяла пакет и закрыла дверь не сразу. Сначала спросила, что сделать с его почтой. Леви дал ей ключ от ящика. Внук протянул ладонь за вторым ключом, для игрушек; Леви показал ему пустую руку. Мальчик не поверил и проверил оба кармана.

До автобуса оставалось шесть часов. Леви сложил в сумку бельё, сухие носки, бритву и книгу, которую всё время начинал с середины. Он не взял старый служебный жетон. Тот лежал в коробке вместе с мелочью и подходил к работе, на которую его пока не приглашали.

Перед сном он вернулся на кухню и проверил кран у себя под мойкой. Тот держал. Леви погасил свет, оставив на столе список того, что нужно купить в пятницу.

Глава 2 Нижний уровень

Обратный билет лежал у Леви во внутреннем кармане, рядом с посадочным талоном. Волков дал его ещё в аэропорту, и Леви проверил дату при нём. Билет можно было сдать без подписи на объекте. Деньги за перелёт, правда, вернули бы Волкову, не ему.

После полуночи последний участок дороги они ехали в грузовом микроавтобусе. Сзади стучали металлические контейнеры с фильтрами, привязанные ремнём к боковой стенке. Когда водитель тормозил, каждый контейнер отдельно проверял крепление. Леви дважды обочивался; на третий раз затянул ремень сам.

— Теперь я понимаю, зачем ты меня позвал, — сказал он Волкову.

— Если бы только из-за этого, взял бы тяжку.

Волков задремал, уронив подбородок на грудь. За стеклом шли низкие деревья, голый камень, редкие дорожные знаки без названий населённых пунктов. Леви перестал искать поворот на аэродром после третьего одинакового перекрёстка: возвращаться пешком отсюда было бы плохим планом. Обратный билет в кармане не решал вопроса, как добраться до самолёта. Он коснулся края бумаги и убрал руку.

На поверхностном посту водитель предъявил пропуск. Охранник заставил их ждать, пока со встречной полосы выедет машина с мешками картофеля. Один мешок порвался о край кузова, и клубни рассыпались перед шлагбаумом. Водитель хотел объехать. Охранник махнул ему остановиться; двое работников вышли из машины и стали собирать картошку в пластиковые ящики. Волков проснулся от того, что микроавтобус заглушили.

— Что случилось?

— Обед рассыпался, — сказал Леви.

Волков увидел людей перед шлагбаумом и вышел помочь. Он молча поднял мешок за целый край, пока работница завязывала разрыв шпагатом. Ей не хватило длины, и она оторвала шнурок от собственной куртки. Волков предложил тяжку из багажника. Она сказала, что тяжки нужны фильтрам; шнурок сработает до кухни. Он не спорил.

Леви тоже вышел. На холоде стало ясно, как плохо он спал. Тело требовало еды и горизонтальной поверхности. Мелкая картофелина закатилась под переднее колесо. Он нагнулся за ней. Женщина у грузовика протянула ящик, не спрашивая, кто он. Поставила галочку на бумаге с количеством целых мешков, пересчитала повреждённый и ушла принимать следующий груз.

За постом дорога опускалась в вырубку. Верхние постройки выглядели старыми: бетон с латками новой штукатурки, водосток, приделанный к стене из разномастных секций, два ангара и невысокая труба котельной. Между ними по протоптанной дорожке шёл человек в шерстяной шапке с двумя кружками в руках. Он придерживал одну локтем, чтобы не расплескать. Официального знака у этого места не было. На двери котельной мелом написали, кто вчера не помыл общую кастрюлю.

— Если это секретный объект, он плохо прячет кастрюлю, — сказал Леви.

— Кастрюлю прячем от сотрудников, — ответил Волков.

Внутренний пост проверял людей дольше, чем грузы. Леви снял обувь, открыл сумку, показал таблетки от головной боли без коробки. Их записали и вернули. Охранница в серой форме попросила его включить телефон; старый аппарат с резервным номером не прошёл сканер и отправился в отдельный сейф.

— Внешний звонок в жилом секторе, — сказала она. — Личный аппарат заберёте при выезде.

— Я договаривался о возможности звонить, — ответил Леви.

— Она есть. Вот часы. Если у вас другое соглашение, позовите того, кто его дал.

Волков подписал выдачу телефона, но не велел охраннице нарушать правило. Потом показал Леви комнату связи на плане. Она располагалась в двух коридорах от его будущего жилья. На плане не было отметки, какие двери запираются снаружи.

Их провели через старую галерею. По стене поверх военной краски шли новые цветные полосы: жёлтая к медблоку, синяя к мастерским, зелёная к жилому сектору. На одном повороте жёлтая полоса внезапно исчезала под свежей заплатой штукатурки. Волков пошёл уверенно, Леви запомнил поворот.

В лифте ехали вместе с женщиной, у которой на коленях стоял противень. На нём лежали булочки под полотенцем. Она спросила, новенький ли он. Леви хотел сказать «проверяющий»; женщина уже поняла ответ по его пустым рукавам без нашивок.

— На втором уровне сейчас холодно, — сказала она. — Если дадут койку у вентиляции, меняйте сразу. Потом никто вас слушать не будет.

Волков кивнул ей.

— Валентина, он здесь на три дня.

— Тем более. За три дня человеку можно испортить позвоночник.

Когда они вышли, она сунула Леви булочку. Он потянулся за деньгами; она приподняла противень и ушла с лифтом ниже. Волков посмотрел на булочку, словно у неё был уровень допуска.

— Это не завтрак, — предупредил он.

— После картошки ты мог бы не говорить о завтраке.

У комнаты без номера стояли три пары грязных ботинок и складная тележка. Волков постучал. Открыл Семён Игоревич — без пиджака, с закатанными рукавами, держал в руке короткую линейку. За его спиной техник сидел на полу у снятой дверной панели.

— Лифт опять не берёт тележку с широкой базой, — сказал Семён, прежде чем поздороваться. — Вчера обещали убрать порожек. Сегодня порожек на месте.

— Познакомьтесь, — сказал Волков. — Леви.

Семён положил линейку на стол.

— Приехали. Сначала к врачу. Потом получите комнату и поедите. С утра покажем, для чего я вас звал.

— Для проверки дверей, по словам Волкова.

Техник, сидевший на полу, поднял голову.

— Пусть начнёт с этой, — сказал он. — Если поднимут пол на пять миллиметров, она перестанет цеплять.

Семён проверил линейкой высоту порожка и передал её технику. Леви не ждал, что руководитель закроет с ним разговор ради пяти миллиметров. Ему стало любопытно, под какую проблему тот потом попросит его закрыть глаза.

— Медицинское согласие подписываю после осмотра, — сказал Леви.

— Так и написано в форме, — ответил Семён. — Если кто-то предложит иначе, назовите имя.

Волков не улыбнулся. Он знал, что Леви запомнит эту фразу.

Семён взял с крючка куртку. На дверях кабинета за ним висел список сотрудников, кому нужно забрать зимние перчатки из прачечной. Три фамилии были вычеркнуты, одна приписана от руки; рядом кто-то нарисовал неудачного снеговика.

* * *

Врач оказалась моложе, чем Леви ожидал. Она представилась Ликой, проверила документы и попросила положить руки на холодную металлическую пластину. Прибор мигнул, выдал неполный результат и предложил повторить пробу. Лика отключила автоматический повтор.

— Сначала согреем пальцы. Вы пришли снаружи, — сказала она.

— У меня есть обратный билет. Хочу успеть на рейс, пока вы не найдёте у меня ещё один орган.

— Я не обещаю, что он вам понравится.

Она достала бумажную салфетку, обернула ему ладони вокруг стакана с тёплой водой и занялась анкетой, пока кожа возвращала цвет. Не спрашивала о детских страхах и не называла его «носителем». Спросила, как он спал, что ел, когда в последний раз болел и какая боль у него уже есть сейчас. Правый бок после старого перелома отзывался на долгую поездку. Лика отметила это, не превращая в диагноз.

— Волков говорил, здесь можно отказаться, — сказал он.

— От чего именно?

— От теста, если не скажут, что это за тест.

— От любого. Но мне нужно знать, на каком моменте вы отказались, чтобы не принять отказ за обморок.

Леви посмотрел на неё. Лика была занята датчиком и не пыталась убедить его понравиться ей. Она поставила перед ним пустой бланк, где первая подпись подтверждала только осмотр. Вторую строку закрыла листом с результатами, чтобы не перепутать.

Когда руки согрелись, прибор показал устойчивую реакцию. Лика записала время и сказала, что на сегодня достаточно. Чему он совместим, она не объяснила.

В жилом секторе дежурный выдал ему ключ от комнаты. Кровать стояла у глухой стены, не под вентиляцией. На полке уже лежало сложенное одеяло; сверху — записка от прачечной с просьбой не уносить полотенца в мастерские, потому что их там перестали возвращать. Леви раскрыл шкаф. Внутри пахло чужим мылом. Прежнего жильца отсюда вывели недавно или он просто мыл полки; узнать по запаху было нельзя.

У двери висела схема этажа. Комната связи действительно находилась за шестью дверями. Две из них были обычными, одна противодымной, остальные он пока не видел. Леви оставил сумку и пошёл проверять путь, прежде чем лечь. На четвёртом повороте встретил техника с подносом грязных чашек. Тот показал на дальний коридор.

— Связь? Сейчас открыта. Если звоните домой, держите дверь рукой: доводчик хлопает так, что потом все слышат ваш разговор.

Леви набрал номер работы. Миша снял трубку и сразу спросил, не приехал ли он объяснять про аккумулятор.

— Через три дня, — сказал Леви. — Как клубника?

— Владелец приехал. Орал на холодильник. Потом на мастера. Термометр показали, всё утихло.

Леви подумал о температурном листе, который лежал не в стойке готовых накладных. Иногда человеку хватало того, что бумагу нельзя убрать без следа.

— Не ставь велосипед у выхлопной трубы.

— Он уже там не стоит. Тебе что, совсем не о чем спросить?

— Я занят важной секретной работой.

— А, тогда понятно.

Миша засмеялся, передал привет Галине Петровне и положил трубку. Леви придержал доводчик до самого конца. Вернувшись к комнате, заметил открытую дверь общей кухни. Внутри кто-то спорил, можно ли поставить кастрюлю прямо на нагреватель, если плитку ещё не подключили. Пахло дрожжами и краской. Никакого торжественного начала новой жизни не было: человек в фартуке искал удлинитель, двое после смены мыли кружки и ругались, кому завтра вставать первым.

Леви хотел пройти мимо. Женщина у кухонного стола подняла одну из булочек Валентины и спросила, ел ли новенький что-нибудь кроме выпечки. Леви ответил, что пирог. Ему налили суп. Он поставил чашку на свободный край стола и остался, пока не доел.

В комнате под потолком дважды загудела вентиляция. Леви записал время обоих толчков на обороте посадочного талона. Завтра он спросит, что включается внизу. Сейчас ему хватило сил только закрыть дверь, поставить ботинки у стены и найти на незнакомом выключателе свет.

Глава 3 Вес

На дверях испытательного ангара кто-то приклеил объявление: «Не оставлять мокрые перчатки на щите управления». Ниже другой рукой дописали: «Сухие тоже». Леви прочёл оба предупреждения, прежде чем заметил Семёна Игоревича у грузовой платформы.

Ночь уложилась в три с половиной часа. Вчерашняя булочка и кухонный суп не заменили завтрак, но Волков назначил показ на шесть, а столовая открывалась позже. Люди вокруг платформы держали стаканы с кофе в руках. Некоторые были в форме, некоторые в рабочих комбинезонах с чужими фамилиями на груди: вещи здесь переживали владельцев или просто ходили через прачечную без уважения к именам.

Семён Игоревич разговаривал с электриком. Тот стоял на коленях перед открытым пультом и показывал оборванный кончик кабеля. Руководитель объекта спросил, успеют ли починить до смены, услышал «нет» и велел писать новый срок. Леви подошёл достаточно близко, чтобы увидеть под платформой старый бетонный шов, залитый свежим герметиком.

— Он вчера просел? — спросил Леви.

— На толщину вашей ногтевой пластины, — сказал электрик. — Этого достаточно, чтобы рычаг начал заедать.

— Поэтому сегодня только внешний ход, — добавил Семён. — Волков обещал, что вы умеете смотреть на механизм до того, как он ломается.

— Волков обещает многое. Я приехал на три дня.

— Пока на три.

Семён отошёл к пульту. Леви остался у жёлтой линии со своими тремя днями.

В ангаре было девять кандидатов и почти столько же техников. Лика стояла за жёлтой линией с блокнотом, на её волосах после душа осталось мокрое место у виска. Возле неё высокий мужчина в тёмном свитере проверял рукав рабочего комбинезона: ткань зацепилась за выступ решётки. Девушка с прямыми тёмными волосами присела, чтобы показать ему, куда вывелась нитка.

— Если потянешь, распустишь весь шов, — сказала она.

— Тогда мне выдадут другой.

— Выдадут иглу.

Леви узнал их по именам из ночного списка: Бахтияр Кассим и Ана. В списке было больше медицинских чисел, чем человеческих слов. В жизни Бак выглядел человеком, который привык сначала занять место телом и только потом узнать, кому оно мешает. Сейчас он убрал локоть с пульта, как только девушка на него посмотрела.

Напротив них женщина с короткими кудрями пыталась высушить носок перед струёй тёплого воздуха из вентиляционной решётки. Увидев Лику, быстро спрятала носок за спину. Лика продолжила писать. Они обе сделали вид, что ничего не произошло.

— Носки горят при такой температуре? — спросил Волков у Леви.

— Сначала пахнут, — ответил тот.

Волков открыл рот, чтобы добавить что-то про дисциплину, но с платформы раздался сигнал. Пол перед ними разошёлся на две длинные створки. Из глубины поднялась тяжёлая рама с фигурой внутри — крупной, низко посаженной, собранной из тёмных пластин, между которыми оставались живые на вид промежутки. При искусственном свете она почти не отражала блеска; только на изгибе плеча прошла синяя полоска, когда механизм поворачивался к ним.

Кто-то позади Леви негромко произнёс «Тиамат». Он уже читал имя в расписании: объект защиты и работы с большой нагрузкой. На бумаге не было ни массы, ни места для чело-

века. На платформе между сложенными пластинами угадывалась пустота размером с грудную клетку Бака.

Бак подошёл к жёлтой линии раньше, чем его позвали. Ана поймала край его рукава двумя пальцами.

— Дальше не просили.

— Я вижу линию.

— Тогда это отличное начало.

Бак улыбнулся ей. Она отпустила ткань, но осталась рядом.

Техники поставили перед платформой испытательный блок — литую плиту на коротких опорах. Обычно такие плиты грузили краном. Сегодня её подкатали на гидравлической тележке, закрепили дважды и убрали ручку. Семён проверил, все ли вышли из прямого хода механизма. Леви заметил, что охранник у боковой двери остался внутри разметки. Указал на него. Охранник переступил линию, недовольный скорее тем, что ошибку нашли при новеньком.

— Сначала без человека, — сказала Лика технику у пульта.

— По программе так и стоит.

Он нажал кнопку. Тиамат поднял правую руку. Движение было медленным, не похожим на рывок мотора: пластина выдвинулась из плеча, затем под ней перестроилась другая, как если бы он сначала искал положение, в котором не придётся ломать собственный вес. На контакте с блоком синяя полоса стала заметнее. Плита поднялась на несколько сантиметров. Один ремень натянулся слишком сильно и начал пилить край опоры.

— Стоп, — сказал Семён.

Пульт отозвался не сразу. Техник нажал ещё раз. Блок опустился, но одна из пластин Тиамата осталась у его угла. Между ней и опорой могло зажать крепёж.

— Не трогать, — сказала Ана Баку ещё до того, как тот двинулся.

— Я вообще стою.

— Для тебя это редко, вот я и отмечаю.

Она подошла к тележке вместе с двумя техниками, проверила ремень и попросила отключить нижнюю шину. Лика ответила с пульта: питание снято с привода, но пластина держится на остаточном поле. Её планшет и стеновой экран показывали разное. Семён велел сохранить оба показания.

Бак уже стоял у края жёлтой линии. Леви видел, как он считает вдохи, не замечая счёта. Каждый раз, когда Тиамат тихо менял положение пальцев у плиты, Бак переносил вес с пятки на носок. Усталый после ночи Леви сперва решил, что ему кажется. Потом Бак остановился, и пластины тоже перестали дрожать.

Семён посмотрел на Лику. Она сверилась с графиком, подняла глаза на Бака и попросила того отойти на два шага. Бак отошёл. Показание упало. Он не спросил, что это значит; спросил, можно ли вернуться туда, где стоял.

— После осмотра, — сказала Лика.

Техники вывели блок из-под руки. Одна опора оказалась погнута. Снятый ремень пах жжёной тканью. Ана провела пальцем по чёрной дорожке на плите и показала Баку. Тот протянул руку, чтобы взять ремень; она бросила его ему в ладонь прежде, чем он потянулся через неё.

— Ты бы успел удержать вес? — спросил он.

— Нет. Поэтому мы опустили блок.

— Я, может, успел бы.

— Обязательно расскажи об этом новой опоре.

Волков фыркнул. Бак развернулся к нему с ремнём в руке, но увидел, что майор смеётся, и не нашёлся, чем ответить. Леви узнал в этом первое за утро выражение лица Бака, которое не было приготовлено для людей вокруг.

После проверки медики разрешили короткий внешний контакт. Лица сама придвинула стойку датчиков; Бак приложил ладонь к отдельной пластине, не заходя внутрь. Синий свет прошёл по поверхности до плеча Тиамата и остановился. Бак вдохнул, не доведя вдох до конца и медленно убрал руку. На его запястье остался тёмный отпечаток контактного геля.

— Больно? — спросила Лица.

— Нет.

— Это не был вопрос о том, можно ли повторить.

— Я понял.

Она посмотрела ему в глаза, потом записала ответ. Ана не вмешивалась. Когда Бак потянулся снова вытереть гель о штаны, сунула ему салфетку. Он взял и сказал спасибо чуть тише, чем говорил до этого.

Семён закрыл демонстрацию после одного контакта. Техники не стали возвращать Тиамат под пол: им предстояло выправить опору и проверить рычаг платформы. Не было аплодисментов. Электрик, который с утра показывал оборванный кабель, спросил, где заказать ещё две стяжки. Волков вызвался принести их с поверхностного поста. Леви подумал о контейнерах, которые он затягивал в микроавтобусе; если стяжки там кончились, кто-то вечером опять поедет под стук фильтров.

Из боковой мастерской привезли домкрат. Колёса у него были слишком маленькими для шва в полу. Молодая инженер, которую все звали Ингой, присела возле погнутой опоры и велела не толкать тележку через стык. Она достала из кармана металлическую линейку, ту самую, что утром держал Семён, и подложила её поперёк щели.

— Линейка казённая? — спросил электрик.

— Конечно. Сломает — спишем как научный прибор.

Колёса прошли. Техник вернул ей линейку, оставив на ней след от смазки. Инга потёрла его пальцем и обнаружила, что испачкалась ещё сильнее.

Бак стоял неподалёку с салфеткой в руке. Он вытер контактный гель с запястья, глянул на синеватый отпечаток, проступивший на коже, и спросил, когда можно повторить.

— После того, как выясним, зачем он не опустил руку по команде, — ответила Инга.

— Он опустил.

— На второй сигнал. Между ними прошло четыре секунды.

— Мне показалось меньше.

— Поэтому я и считаю, а вы чувствуете.

Бак сложил салфетку пополам, чтобы не касаться пятна. Ана налила два стакана воды. Один поставила возле него, второй выпила сама.

— Четыре секунды можно удержать плиту? — спросил Бак.

— Эту — можно, — ответила Ана. — Если под плитой никого нет. А если есть, тогда четыре секунды это столько, сколько у человека хватает времени сказать тебе убрать руку.

— Ты уже второй раз сегодня просишь меня её убрать.

— Я пока веду счёт только удачным просьбам.

Бак взял стакан. Леви отошёл к мастерской вместе с Ингой. Она показала ему место, где вчерашний герметик начал отходить от бетона. Инга хотела вскрыть шов целиком; сменный начальник предлагал залить поверх ещё один слой, чтобы не переносить завтрашние испытания. Вопрос не требовал знания о Тиамате. Леви спросил, кто будет стоять возле края платформы, если шов просядет ещё раз.

— Те же люди, — сказала Инга. — Я ему это и написала. Потом он попросил формулировку помягче.

— И что ты ответила?

Она показала ему снимок письма. В графе «ответ» было одно слово: «Нет».

Семён подошёл, пока они смотрели на экран. Письмо осталось открытым на экране. Он прочёл, велел вскрыть шов после завтрака и перенёс следующее испытание на сутки. Лицо его не изменилось, но Инга вздохнула так глубоко, что смазанная линейка выпала из её пальцев. Семён поднял её и положил на край тележки.

— Запишите, сколько часов и материала ушло на ремонт, — сказал он. — В следующий раз мне понадобится не ваш отказ, а смета до того, как пол сядет.

Инга сказала, что смету отправляла позавчера. Он потребовал переслать снова, не притворяясь, будто помнит её.

Сьюзан — её имя Леви увидел на бейдже, когда она наконец прошла мимо, — держала тот самый носок за голенище. Кончик оставался мокрым.

— С этой сушилкой вам ещё лет десять строить чудо, — сказала она электрику.

— Чудо умеет ждать, — ответил он. — А сушилку мне запрещено трогать до обеда.

Носок исчез в кармане Сьюзан. Леви собирался сказать что-то о вентиляции, но она уже пошла дальше.

Семён нашёл Леви у дверей.

— Вы видели достаточно для первого дня?

— Я видел, что блок опустили вовремя. Этого достаточно для первого часа.

— А на остальные два дня?

— Покажите, кто здесь чинит опоры и кто решает, когда испытание прекращают.

Семён записал два имени на обороте программы и оторвал угол листа. Один техник работал до шестнадцати, другая до ночи; с обоими можно было поговорить без пропуска в закрытый сектор.

Леви сложил бумагу. До конца завтрака, судя по часам, оставалось мало времени. Он пошёл к столовой, свернул не туда у заштукатуренной жёлтой полосы, вернулся и спустился этажом ниже. В дверях столовой кто-то торопливо доедал кашу прямо из металлической миски. На раздаче ещё оставались яйца.

Глава 4 Защёлка

Леви пришёл в столовую за семь минут до конца завтрака. У автомата с кашей стояла очередь, у раздачи с яйцами — никого. Он взял два яйца, хлеб и кофе, на поверхности которого плавала плёнка, и выбрал свободный конец стола.

Стол оказался свободен ненадолго.

— Здесь сидят, — сказала женщина, поставив напротив него поднос.

— Я вижу.

— Теперь видишь. Вчера тут был мой локоть.

Она села, не дожидаясь приглашения, и откинула назад короткие кудри. На рукаве серой формы кто-то нарисовал шариковой ручкой молнию. Леви заметил у неё на пальцах белые следы медицинского клея и маленький ожог у ногтя.

— Сьюзан, — сказала она. — Если ты из тех, кто запоминает имена.

— Леви.

— Значит, пока справляешься.

С другого конца стола донёсся тяжёлый стук чашки. Бак наливал чай из термоса в высокий металлический стакан, с которого давно стёрли инвентарный номер. Рядом с ним девушка держала двумя пальцами обрывок бумажной этикетки.

— Ты опять поставил его на мой стол, — сказала она.

— У нас один стол.

— Именно. Общий стол и личный стакан. Трудная концепция?

Бак убрал стакан со следов её чертежа. Он был слишком велик для этого узкого пространства; когда подвинулся, всем вокруг пришлось подобрать локти. Девушка расправила лист и вернулась к карандашным линиям. На бейдже у неё значилось «Ана». Леви узнал имя из списка испытаний, который ему выдали ночью, а фамилию никак не мог вспомнить.

— Если он будет сегодня держать груз, — сказала Ана, не поднимая глаз, — пусть сначала научится держать кружку.

— Ты видела, как я держу кружку? — спросил Бак.

— Четыре дня. У тебя один метод для всего.

Сьюзан перегнулась через стол.

— Спорю на десерт, что вечером она сама попросит его открыть банку.

Ана наконец посмотрела на неё.

— Я умею открывать банки.

— Конечно. Бак нужен исключительно как моральная поддержка.

На секунду Бак потерял свою невозмутимость. Леви поймал это раньше, чем тот спрятался за стаканом.

Леви расколол яйцо о край подноса. С другого ряда столов к ним подошла Лика с папкой под мышкой и бутербродом в руке. Она остановилась возле стула Леви.

— Ты приехал вчера ночью.

— Сегодня утром.

— Для тебя это разница?

— Я успел переодеться.

Лика осмотрела его форму, затем положила на стол маленькую запечатанную ампулу.

— После еды зайди ко мне. Кровь на повторную совместимость. Вчерашнюю пробу кто-то оставил возле нагревателя.

— Кто?

— Если найду, ему тоже придётся сдать кровь.

Леви отодвинул ампулу от хлеба. Лика сделала вид, что сочла это согласием.

Канзи появилась в дверях с мокрыми волосами и одним зашнурованным ботинком. Второй шнурок волочился следом. Бак молча подвинул ей свой запасной стул; она села и тут же полезла в карман за чем-то хрустящим.

— Это что? — спросила Сьюзан.

— Печенье.

— Я вижу. Где взяла?

— Оно само меня нашло.

Сьюзан протянула ладонь. Канзи положила ей половину, отколов так, что большая осталась у неё. Ана хмыкнула. Леви подумал, что ещё вчера утром умел завтракать в тишине.

В столовой раздался короткий сигнал: два звука и пауза. Люди за соседними столами продолжили есть, но девять человек вокруг Леви посмотрели на часы почти одновременно.

— Испытательный ангар, — сказала Лика. — Через двенадцать минут.

— Дай хотя бы доест, — попросила Канзи.

— Это я и делаю.

Петер поднялся из-за дальнего края стола. Он сидел там всё время, читал на маленьком экране и к завтраку почти не притронулся. Когда Леви видел его последний раз, тот носил бороду; теперь от неё осталась короткая светлая щетина. Петер выключил экран и убрал его в карман.

— У вас был пропущенный вызов, — сказала Лика.

— У меня были четыре. Один я взял.

— От кого?

— От жены.

— Разумный выбор.

Петер допил воду. На безымянном пальце у него было кольцо с вмятиной возле края. Леви заметил её, потому что Петер несколько раз провёл по ней большим пальцем, пока слушал сигнал.

У выхода их обогнал Камлан, высокий, чисто выбритый, с аккуратно заправленной формой. Он нёс каску, которую ещё не требовали надевать, и две пары защитных очков. Одну молча отдал Канзи.

— А мне? — спросила Сьюзан.

— Ты свои оставила на моём шкафчике.

— Тогда это ты их потерял.

Сьюзан улыбнулась ему в спину и пошла за остальными.

Ангар просыпался позже столовой. Под потолком по одному загорались длинные лампы, техникам приходилось перекрикивать подъёмник. У стены стоял учебный шлюз: два коротких отсека с тяжёлыми дверями и аварийной ручной защёлкой. За стенкой кто-то проверял гидравлическую тележку; металл стукнул о металл, и Канзи поморщилась от звука.

Маркус Талл был у открытого распределительного шкафа, в рубашке с закатанными рукавами. Он держал в зубах изолированную отвёртку и одновременно слушал спор двоих техников. Увидев группу, вынул отвёртку.

— Пять минут. И я хочу, чтобы все слышали одно правило: если датчик и ваши глаза не согласны, кричите. Не ищите третий экран.

— А если датчик прав? — спросила Ана.

— Тогда я куплю ему кофе.

Она посмотрела на автомат за его спиной.

— Жестоко.

Маркус рассмеялся и вернулся к шкафу. На крышке его блокнота осталось жирное пятно от чашки. В расписании будущей недели фамилия Талла стояла в трёх сменах, две из них ночные. Леви спросил:

— Шлюз сегодня уже гоняли?

— Дважды, — ответил Маркус. — Третий запуск будет ваш. Если увидишь, что мы пропустили, скажи до того, как сломаешь.

Леви проверил ручку аварийного выхода. Ходила туго, но ходила. Затем группа разделилась. Петер и Лика встали у считывателей, Ана следила за приводом, Бак с Камланом должны были вывести из второго отсека учебную каталку. Канзи вызвалась лечь на неё под тонкое термоодеяло и объявила, что роль пострадавшей всегда достаётся самому талантливому человеку. Сьюзан тут же попросила показать справку.

Леви шёл последним. Ему велели наблюдать, отмечать время и не помогать раньше сигнала.

Первая дверь закрылась штатно. На панели горел зелёный квадрат. За второй слышались голоса Бака и Камлана. Ана отсчитывала секунды вслух, негромко, для себя. На двенадцатой раздался щелчок, которого Леви при проверке не слышал.

Зелёный квадрат остался на месте.

Бак дёрнул внутреннюю ручку и выругался.

— Привод? — спросила Ана.

— Ручной зубец сел под углом, — ответил Камлан. — Не трогай мотор.

— Он уже снят.

Маркус снаружи нажал общую остановку. По ангару прошёл сухой зуммер. Лампа над отсеком мигнула красным. Канзи, лежавшая на каталке, приподняла голову.

— Мне продолжать изображать бессознательную?

— Помоги им, — сказал Леви.

Она свесила ноги с каталки. Бак упёрся ладонью в раму, пытаясь снять напряжение с двери. У него получилось сдвинуть её на волосок, зато сверху посыпалась пыль. Леви услышал, как механизм внутри стены начал выбирать свободный ход.

— Бак, убери руку.

— Ещё немного.

— Убери. Сейчас прижмёт.

Бак посмотрел на него, затем отступил. Через секунду зубец ударил о косяк. Если бы его пальцы остались у рамы, в медблоке нашлась бы для них отдельная ёмкость.

Маркус выдрал из кармана блокнот.

— Я отключил привод.

— Нижний, — сказала Ана. — Верхний сидит на резерве. Я снимаю питание.

— Снаружи всё равно зелёный, — добавила Лика.

Леви опустился на колено перед открытой сервисной щелью. У зубца было ручное освобождение — короткий рычаг под слоем серой смазки. До него доставал только человек с тонкой рукой. Канзи уже вытягивала ладонь.

— Подожди, — сказал он и всмотрелся в щель. — Когда Ана снимет резерв, рычаг уйдёт назад. Дай мне свой ремень.

Канзи стащила ремень. Леви протянул пряжку в щель, зацепил ею рычаг и обмотал свободный конец вокруг запястья. Ана подняла два пальца, дождалась кивка Маркуса и сняла питание. Ремень натянулся, ударил Леви по коже. Он удержал его. Бак потянул дверь, Камлан заблокировал зубец металлическим клином, и проход открылся.

Канзи вынесла каталку сама.

— Обидно, — сказала она. — Я только начала убедительно страдать.

Бак сел прямо на пол и осмотрел пальцы. Целые. Ана подошла к нему, провела большим пальцем по царапине на его ладони и тут же отпустила руку, заметив, что остальные смотрят.

Маркус снял зелёный индикатор с панели. Пластиковая крышка хрустнула.

— У него общий сигнал с нижним приводом, — сказал он. — Резерв живёт отдельно. Я подписал приёмку вчера.

— Мы все подписали, — ответила Лика.

— Я пойду первым в акте.

Она посмотрела на него, потом на его измазанные смазкой руки.

— Тогда я второй. И впиши туда ремень Канзи. Она его обратно не наденет.

— Я надену, — возразила Канзи.

Ремень был порван у пряжки. Сюзан подняла его с пола и, повертев, сунула в карман.

— Найду тебе новый. С этой штукой на память никто тебя в столовую не пустит.

Леви подошёл к выключенному стенду. У него на запястье выступала красная полоса.

— Обед сегодня во сколько? — спросил Леви у Сюзан.

— Ты ведь только что завтракал.

— Мне кажется, я не доел.

Она посмотрела на его пустые руки, на порванный ремень в своём кармане.

— Через час. Сядешь на моё место, если я опоздаю.

Леви кивнул. До обеда было ещё далеко; впервые с приезда он решил остаться.

Глава 5 Три тарелки

Петер опоздал к ужину на сорок три минуты. Он знал это без часов: Зоряна написала на холодильнике время его обещания, а ниже добавила карандашом новую отметку всякий раз, когда стрелка проходила деление.

На дверце уже было четыре отметки. Пятую она собиралась поставить прямо при нём.

— Ты опять скажешь, что дорога, — предупредила она.

Петер снял ботинки. В прихожей пахло жареным луком и мокрой шерстью: Зоряна повесила сушиться варежки, хотя снега ещё не было. Она сидела на полу с тетрадью, удерживая карандаш в кулаке, как маленький молоток.

— Дорога тоже, — сказал он. — Сначала было испытание.

— У тебя всё время испытание.

— Сегодня дверью чуть не прижало человеку руку.

Зоряна подумала.

— Прижало?

— Успели вытащить.

— Тогда это хорошее испытание.

— Не совсем. Мы должны были проверить дверь до людей.

Она кивнула с серьёзностью человека, которому наконец сообщили важную часть истории, и отложила карандаш. На листе был мост: две опоры, три пролёта и огромное животное под ним. Петер присел рядом.

— Это кто?

— Коза. Видишь рога?

— Под мостом?

— Она там живёт. Ты обещал сделать ей дом наверху.

Он вспомнил. Два дня назад Зоряна построила мост из книжек, он пообещал вырезать для него ферму из картона. Ничего не вырезал.

— После ужина достанем коробку от фильтров. Она крепкая.

— И ножницы.

— И ножницы.

На кухне Нина вытерла руки полотенцем и поставила перед ним тарелку. Ужин уже подогревали; по краю запеканки подсохла корочка. Нина положила рядом вилку, затем забрала её обратно и выдала другую — с целыми зубцами.

— Ты мог написать, — сказала она.

— Телефон оставили в секторе.

— У вас есть телефоны в секторе.

Петер сел. Зоряна взобралась на свой стул и принялась рассказывать матери, как у них теперь будет жить коза. Нина слушала её, подсовывая Петеру хлеб. Петер ел, не поднимая глаз.

После ужина они разложили на полу большую коробку. Зоряна нарисовала на ней окна и закрасила одно чёрным.

— Тут кладовка. Не вырезай.

Петер делал надрезы медленно. На работе он привык доверять Габриэлю вероятности отказа материала, здесь картон вёл себя как хотел: слегка смок, прогнулся от ножниц, рвался возле сгиба. Зоряна требовала оставить рваный край — по её словам, коза могла за него чесаться.

Нина вернулась с балкона, где разговаривала по телефону. Последние недели ей приходилось чаще отменять свои встречи из-за графика Петера. Сейчас она убрала телефон экраном вниз и присела возле макета.

— Я завтра вернусь поздно, — сказала она. — Нужна твоя смена после шести.

— Попрошу перенести дежурство.

— Ты просил в прошлый раз. Потом сказал, что не от тебя зависит.

Он положил ножницы на коробку. Зоряна приложила вырезанную стенку к мосту и нашла способ закрепить её без клея.

— Завтра попрошу раньше, — сказал Петер.

Нина посмотрела на него поверх головы дочери.

— Мне нужна информация до обеда. Если не получится, я договорюсь сама. Просто не оставляй меня до вечера с красивым обещанием.

Петер кивнул. Он хотел объяснить, что сегодня вызов мог прийти в любую минуту, что медицинский сектор запросил дополнительную группу, что утренний шлюз подвёл всех сразу. Он спросил, на какое время ей нужен звонок. Она ответила: к одиннадцати. Он записал это ручкой на собственной ладони. Зоряна немедленно попросила записать там же имя козы.

— Как её зовут?

— Пока не знаю. Завтра придумаю.

Петер оставил под запись место.

В спальне, когда дочь уснула, он обнаружил на экране отложенный служебный пакет. Габриэль сортировал завтрашние испытания по двум параметрам: вероятности сбоя и цене задержки. У одного из вариантов числа никак не сходились с тем, что он видел утром у шлюза. Петер увеличил поле примечаний. Обычная строка: «проверка резервного питания». Отчёт Маркуса появится только утром.

Нина включила свет у кровати.

— Ты сказал, вы успели вытащить руку. У кого она была?

— У Бака. Он цел.

— Хорошо.

Она поставила стакан воды на свою тумбу и заметила строки на ладони Петера.

— Что там?

— Позвонить до одиннадцати. Ниже свободное место для козы.

Нина села рядом и взяла его руку. На сгибе пальца оставалась тёмная полоса от стёртого машинного масла. Она потёрла её большим пальцем, потом отпустила.

— Когда ты говоришь «цел», — сказала она, — я всё время думаю, что ты проверял.

Петер погасил экран. Ему хотелось дать ей точный ответ, но сегодня целыми остались пальцы благодаря чужому ремню и тому, что Ана вовремя вспомнила про резерв. Он рассказал это без чисел. Нина выслушала, затем спросила имя девушки. На этот вопрос он ответить сумел.

* * *

Утром Лика разложила на столе пять папок, каждая толщиной в палец. На крышке первой кто-то написал фамилию Сьюзан с ошибкой. Лика зачеркнула её и вписала правильно. К медблоку уже тянулась очередь из людей, которым предстояло пустить в тело вещь, пока известную им по схемам и пробам крови.

Сьюзан вошла первой. Её кудри были собраны косынкой, под глазами лежали тени. Села боком, чтобы видеть дверь.

— Ты пересдала? — спросила Лика.

— Три раза. Разве папка не сказала?

— Она сказала, что ты прервала третий тест.

Сьюзан подняла правую руку. Указательный палец подрагивал, когда она пыталась прижать его к большому. Обожжённый ноготь теперь был прикрыт прозрачной плёнкой.

— На третьем я перестала чувствовать кончик. Врач сказал: потерпи полминуты.

— Какой врач?

— Тот, кто стоит за стеклом, когда я на столе.

Лика записала имя дежурного из протокола и достала измеритель. Сьюзан дала ей руку, но сжала плечи, когда холодный контакт лёг на кожу. Лика сказала, что можно убрать пальцы в любой момент. Сьюзан продержалась до второго сигнала, затем отдернула ладонь.

— Всё. Больше не хочу.

— На сегодня закончили.

— Мне после обеда назначили ещё один.

В графике уже стояло: «повторная нагрузка, повышенный допуск».

— Я сниму, — сказала Лика.

— А завтра его поставят назад?

— Тогда снимем и завтра.

Сьюзан взглянула на папки.

— Я ещё подхожу?

— Сегодня больше никаких проб. У тебя пальцы не слушаются.

Сьюзан поправила косынку. На секунду прикрыла глаза, затем придвинула папку к себе, чтобы ещё раз посмотреть на график.

— Передай это тому, кто назначил мне вторую пробу.

Когда она вышла, вошла Канзи, чистая и собранная, словно не она вчера держала учебную каталку за колёса. Она закрыла за собой дверь аккуратно, без щелчка. На вопрос о сне ответила: «Нормально». Через минуту Лика нашла по датчику, что ночью та просыпалась пять раз.

— Ты можешь сказать, что не хочешь сегодня пробу, — сказала Лика.

— Я хочу знать результат.

— А я хочу знать, почему ты просыпалась.

Канзи посмотрела на график и пожалала плечами.

— У нас в общежитии Бак ходит ночью за водой. У него тяжёлая походка.

— Он спит через два коридора.

Канзи поджала губы. Лика поднялась и закрыла жалюзи. Человек за стеклом исчез из виду.

— На осмотре присутствую только я. Если тебе понадобится другой врач, выберешь его сама. Сегодня пробу начнём после разговора.

Канзи медленно кивнула. Первый раз с начала утра её руки вышли из рукавов и легли на стол.

В дверях показался Маркус с охапкой кабелей. Он увидел, что они разговаривают, и отступил в коридор.

— Потом зайду.

— Через двадцать минут, — сказала Лика.

— Я запомнил. И принёс ответ по шлюзу.

Он показал край акта, исписанного красной ручкой. Лика заметила добавленную минуту между остановкой и реальным снятием питания.

К обеду Лика дошла до папки Леви. Он явился раньше назначенного времени, с красной полосой на запястье и ремнём, который Сьюзан успела починить грубым чёрным стежком.

— Канзи просила передать, — сказал он, положив ремень на стол. — У неё сегодня проба?

— У неё сегодня свой разговор. Сначала о тебе. Понимаешь, на что соглашаешься?

Он посмотрел на раскрытую схему Азраила. Лика видела, как взгляд задержался у рисунка крепления возле позвоночника.

— Я читал.

— Читать проще, чем просыпаться с этим.

— Ты хочешь меня отговорить?

— Хочу, чтобы завтра ты мог сказать, что решение было твоим. Сегодня ещё можешь уйти.

Леви оглянулся на дверь, за которой люди опять спорили, кто украл чью чашку. Потом вернулся к схеме и попросил карандаш. На полях отметил два места, о которых хотел спросить хирурга: где проходит нервная связь и каким движением он сможет её остановить.

Лика ответила на первый вопрос сразу. На второй — после технического листа. Леви ждал, держа карандаш у поля схемы.

Вечером Петер пришёл домой к шести. Зоряна уже придумала имя козе и вписала его сама, неровными буквами, на месте, которое отец оставил свободным у себя на ладони.

Интерлюдия Пар

После вечерней примерки Тиамата Бак не смог снять с шеи внутренний ремень. Застёжка открылась, но ткань прилипла к коже. Ана отправила техника за чистыми накладками, а Бака увела в моечную у испытательного ангара. Там был один душ, скамья с проржавевшей ножкой и табличка «Не оставлять оборудование под водой». Бак положил ремень на сухой край раковины.

— Стоять можешь? — спросила Ана.

— После твоей смены? Вряд ли.

— Я про ноги.

Он встал под тёплую струю. Ана размочила ткань у него на шее и отделила её по сантиметру. Бак терпел, пока она не добралась до места под ключицей. Там он взял её за запястье.

— Больно? — спросила она.

— Подожди.

Она остановилась. За дверью кто-то тащил по плитке пустую тележку. Бак слышал её колёса и дыхание Аны почти одинаково отчётливо. Под его пальцами пульс у неё ускорился. Он отпустил запястье; она не отступила.

— Так лучше?

— Нет, — сказал он и поцеловал её.

Ана ответила сразу, но, когда он потянул её ближе, упёрлась ладонью ему в грудь.

— Не наваливайся. Ножка скамьи отвалится, и Инга спишет нас как ущерб базе.

Бак переставил скамью к стене. Ана выключила воду: у них обоих ещё оставалась форма, и та промокла только с одной стороны. Пока они снимали с неё тяжёлые куртки, Бак задел плечом кран. Холодная струя досталась ему в спину. Он выругался; Ана засмеялась и снова повернула вентиль. Потом притянула его к себе за сухой край рубашки.

— Если хочешь уйти, сейчас самое время, — сказала она.

— Ты первая.

— Я не хочу.

Он закрыл дверь пяткой. Защёлка, которой уже неделю обещали заняться, держалась плохо. Ана заметила это и придвинула к двери скамью. На этот раз её ножка выдержала. Бак успел подумать, что после контакта с Тиаматом у него громче стал не только стук сердца. Ему мешал холод от стены за её спиной, запах железа на её пальцах, собственная натёртая шея. Ана спросила, не надо ли остановиться. Он сказал, что нет, и услышал, что ответила она, даже сквозь воду.

Вода успела остыть. Ана нашла тёплый вентиль на ощупь, не отпуская его, а Бак засмеялся ей в плечо: она опять командовала даже здесь. Позже скамья всё-таки поехала по плитке. Ана придержала её ногой. За дверью раздался удар, и створка открылась на ширину ладони.

— Бак? — позвал Леви. — Лика ждёт лист по задержке Тиамата.

Он толкнул дверь, увидел их и замер. Бак успел подхватить мокрую куртку с пола; Ана натянула её на плечи сама. Леви отвернулся к табличке над раковиной.

— Какого чёрта здесь происходит?

— Душ сломался, — сказала Ана. — Точнее, дверь. Про душ я пока не жалуюсь.

Леви не обернулся.

— Это испытательный сектор. У вас завтра допуски. Бак, на тебе ещё контактный след.

— На шее, — ответил Бак. — Ана его сняла.

— Это не снимает вопроса.

Ана нашла сухое полотенце и прошла за перегородку. Когда Леви попытался спросить о журнале доступа, она сказала оттуда, что вошла сама и никого за собой не закрывала. Если ему нужен акт о двери, она подпишет. Бак выключил воду и завязал полотенце на бёдрах.

— Ты ещё не понимаешь, что они с нами делают, — сказал он Леви.

— Тиамат добавляет усилие. Я видел.

— Не только усилие. У меня ремень трет шею, я чувствую это часами. Еду из столовой чую с лестницы. И когда Ана стоит рядом, я слышу, как она дышит. Даже если она решила, что я опять не слушаю.

— Ты хочешь сказать, машина решает, чего ты хочешь?

— Нет. Я решаю. Просто теперь гораздо труднее себе врать.

Из-за перегородки Ана бросила ему сухую футболку. Он поймал её, не оборачиваясь, и на секунду замолчал.

— Может, она вообще ничего не добавила, — сказал Бак. — Может, только убрала фильтры. Я спросил Ану. Она могла сказать «нет». Тиамат бы не услышала, а я услышал бы.

Ана вышла из-за перегородки, застёгивая сухую куртку. Бак не потянулся к ней. Она сама взяла его за руку и посмотрела на Леви.

— Лист задержки в верхнем ящике. Подпись моя. А дверь действительно почините.

Леви забрал лист. Бак уже искал второй носок под скамьёй, когда добавил:

— Подключись к Азраилу. Потом снова расскажешь мне про дисциплину.

— Завтра, — сказал Леви. — Если на мои вопросы ответят.

Он вышел, прикрыв за собой неисправную дверь. В коридоре развернул лист: четыре секунды между командами стояли на месте, ниже Ана отметила повреждённый ремень. Леви сложил его и пошёл к Лике. В кармане лежала схема Азраила с двумя вопросами, которые он так и не дал ей вчера убрать со стола.

Глава 6 Своя рука

На второй минуте процедуры Леви попросил уменьшить звук.

Врач решил, что он говорит о приборах, и приглушил монитор. Леви покачал головой. Под лопаткой уже работало крепление Азраила; тонкая вибрация шла по ребру к локтю и возвращалась в шею. Это было тихо, но он слышал её всем телом.

— Обратная связь, — сказала Лика возле его головы. — Я отмечаю. Покажи два пальца.

Он поднял указательный и средний. Система повторила движение на долю мгновения раньше, чем он закончил думать о втором пальце. Врач попросил ещё раз. Леви устался на собственную кисть.

— Вы видели?

— Видели. Снизим коррекцию.

У стола было тепло. Слишком тепло. Одну руку удерживала мягкая петля, другую оставили свободной для проб. Где-то у основания черепа жгло от местного обезболивания, которое не глушило глубинное давление. Леви хотел сказать, что пауза ему не нужна; вместо этого попросил воды. Лика поднесла стакан к его губам.

— Можешь остановить, — напомнила она.

Он сделал два глотка. Ему всё ещё казалось, что кисть двигается отдельно от намерения.

— Какая цена остановки сейчас?

Хирург поднял глаза от экрана.

— Отключим связь с приводом. Крепёж останется до заживления. Повторный допуск через несколько недель, если ткани позволят.

— Хорошо. Продолжайте с нижним пределом.

Лика смотрела на него ещё секунду. Затем попросила врача записать его слова целиком. Он услышал щелчок клавиши, увидел, как хирург ставит время напротив графы согласия. В соседней комнате кто-то уронил стальной лоток; звенело долго, и в этом обычном больничном звуке было что-то неожиданно утешительное.

Когда Азраил вошёл в двигательный контур, Леви почувствовал пол, хотя лежал на столе. Давление пятки, которой он не опирался ни на что. Соппротивление поверхности под ладонью, хотя ладонь лежала на ткани. На экране шла гладкая кривая. Внутри — внезапно приобретённая привычка человека, которым он никогда не был.

— Сожми кисть, — попросила Лика.

Леви сжал. Разжал. В третий раз пальцы задержались у середины движения. Под лопаткой вспыхнула боль, короткая и острая. Он вдохнул через нос, чтобы не дёрнуться.

— Стоп, — сказал хирург.

Лика уже сняла нагрузку. Пальцы расправились, дрожа. Кожа вокруг порта покраснела; Лика коснулась её тыльной стороной ладони.

— На сегодня всё, — сказала она.

— Я могу закончить серию.

— Она закончена.

Она говорила обычным рабочим голосом. Леви перестал спорить.

После операции он проспал полтора часа и проснулся от того, что кто-то шумно втягивал через трубочку остатки сока. Сюзан сидела у окна, положив ноги на соседний стул. В руках у неё был пакет с яблочным напитком.

— Ты весь выпила? — спросил он.

— Мне сказали проследить, чтобы ты проснулся и пил воду. Про сок ничего не сказали.

У изголовья стояла кружка. Леви взял её. Пальцы сомкнулись слишком быстро, вода перелилась через край на одеяло.

— Прекрасно, — сказала Сьюзан, вставая за салфетками. — Завтра научим тебя не душить посуду.

Он попытался вытереть воду сам. Кружка стукнула о тумбу. Сьюзан накрыла его руку салфеткой, почувствовала короткое напряжение мышц и убрала свою.

Когда он потянулся за второй салфеткой, ворот больничной рубашки съехал. Над старым белым рубцом темнел край нового порта. Сьюзан заметила оба, но поправила только мокрое одеяло. Леви сам подтянул ворот.

— Болит?

— Раздражает.

— Я спрашивала другое.

— Да.

Она принесла ему сухое одеяло и оставила рядом пакет с трубочкой. Сок оказался тёплым, слишком сладким. Леви выпил его всё равно.

Позже Лика заставила его пройти по прямой до двери и обратно. Вправо он повернул раньше, чем собирался, почти задев плечом косяк. Она повторила упражнение после пятиминутного отдыха. Во второй раз он остановился перед поворотом сам. Под лопаткой тут же запульсировало; он дождался, пока мышца расслабится, и только потом сделал следующий шаг.

— Запиши ощущение, — сказала Лика.

— Какое?

— Когда хотел повернуть и когда повернулся. Между ними что-нибудь есть?

Леви сел на край койки. Карандаш выскользнул из пальцев. Он поднял его с пола, потратил на это слишком много времени и вывел на бланке: «Сначала нажимает внутри плеча». Подумал и добавил: «Я могу задержать».

Лика взяла лист. На слове «могу» она задержалась.

— Завтра проверим без нагрузки.

— Ты сегодня домой идёшь?

— Это ты сейчас врачебный совет даёшь?

— Нет. Спрашиваю.

Она закрыла папку и посмотрела на часы.

— Если Маркус перестанет приносить мне неисправные датчики после ужина.

— У него есть сотрудник для датчиков.

— Ты ему скажи.

Вечером жара вокруг порта поднялась. Дежурный сменил повязку и разрешил душ при условии, что Леви не будет мочить крепление. Получилось сложнее, чем звучало. Горячая вода вызвала у Азраила защитную коррекцию плеча; Леви ударился локтем о кафель, выключил кран и вышел, так и не смыв мыло с другого бока.

На стене медицинского коридора висела схема движений для реабилитации. Леви попробовал упражнение с раскрытой ладонью. На четвёртом повторе кисть сама потянулась к поручню. Он остановил её, чувствуя, как боль возле лопатки набирает силу. Медик за стойкой предложил таблетку. Леви взял её, но возвращаться в палату, где всё время слышали его падение кружки, не захотел.

Он спустился на уровень ангара. Там было прохладнее, пахло металлической стружкой и чьим-то ужином в бумажном пакете. Большую часть света погасили, оставив лампы у верстаков и грузового лифта. Леви выбрал дальнюю стену: вдоль неё тянулся поручень, возле которого можно было репетировать поворот, не натыкаясь на мебель.

Первый шаг вышел ровным. На втором Азраил снова попытался повернуть плечо. Леви стиснул зубы и прижал ладонь к холодной рейке.

— Если так держаться, завтра пальцы не разожмёшь.

У верстака сидел мужчина, которого Леви раньше здесь не видел. На вид чуть старше его, тёмные волосы коротко подстрижены, рукава рабочей куртки закатаны неровно. Он говорил буднично, будто уже минуту наблюдал неудачное упражнение и решил наконец вмешаться.

— У тебя ночная смена? — спросил Леви.

— Вроде того. Поверни ладонь.

Леви ослабил хватку, развернул кисть. Плечо немедленно дёрнулось.

— Он у тебя защищает сустав, — сказал мужчина. — Ты ему показываешь, что собрался упасть.

— Я стою.

— А рука держится так, будто уже летишь. Попробуй опираться двумя пальцами. Если начнёшь падать, остальные успеют подключиться.

Два пальца у Леви побелели. Он отпустил поручень и коснулся его указательным и средним.

Азраил подождал. Боль никуда не ушла, зато плечо перестало уходить вверх.

— Так? — спросил Леви.

— Теперь шаг.

Он сделал шаг и повернул. Система попыталась помочь, получила от руки слишком слабый сигнал и остановилась. Леви дошёл до следующего крепления поручня. Дыхание сбилось, как после пробежки.

Мужчина поднялся с табурета и подошёл ближе, оставив место у поручня.

— Оператор? — спросил Леви.

— Да.

— Медик?

— Нет. У меня с терпением хуже.

Леви переставил ногу и справился со следующим поворотом. Незнакомец улыбнулся.

— Как тебя зовут?

— Артём.

— Ты из какого сектора?

— Технический. Ночью здесь удобнее: никто не гоняет стенд. Передай мне свой диагноз, когда сам его поймёшь.

— Лика не любит, когда пациенты ставят себе диагнозы.

— Тогда передай ей. Её я боюсь больше.

Леви засмеялся, и смех отдался болью под лопаткой. Он привалился к поручню, на этот раз всей спиной, и выждал, пока волна пройдёт. Артём встал рядом, оставив достаточно места, чтобы Леви мог продолжить упражнение, если захочет.

На третий поворот ушло меньше сил. После пятого Леви сказал, что уходит спать. Артём кивнул, словно именно этого и добивался.

Леви поднялся на свой этаж, записал на обороте врачебного бланка два слова — «два пальца» — и положил лист возле кровати.

Сначала он выпил таблетку. На этот раз кружка осталась целой.

Глава 7 Не трогай металл

На второй день после операции Леви разбил не кружку, а тарелку. Это было хуже: кружки на базе считали расходником, тарелки проходили по ведомости столовой, потому что новых пришло на две коробки меньше заказа.

Он принёс осколки сам. Женщина на мойке указала на ведро под раковиной и спросила, порезался ли он. Леви показал ладони. Чистые. Она выдала ему миску с отколотым краем и велела не ставить на нижний поднос посудомоечной машины — там край зацепится за решётку. Он поблагодарил. Под её взглядом поставил миску на верхний поднос, как было сказано.

Через час миска снова стояла у него в руках. Он не мог держать её ровно, когда Азраил считал, что правая кисть вот-вот потеряет опору. Система поправляла хватку раньше самого движения, и суп расплёскивался на стол. Леви ел медленно, с локтем на столешнице. Бак, проходя мимо с полным подносом, остановился.

— Могу принести ложку с широкой ручкой.

— У тебя на подносе две ложки.

— Одна широкая.

— Мне пока хватает этой.

Бак кивнул. Леви думал, что он уйдёт; тот поставил рядом салфетку, не комментируя пятно супа, и пошёл к своему столу. Леви взял салфетку после того, как Бак отвернулся.

Сьюзан наблюдала за ними из очереди. Она подошла к столу, поставила собственную тарелку и села напротив.

— Если он начнёт носить тебе ложки, потом не остановится, — сказала она. — У Канзи уже есть отдельный запас печенья на случай плохого настроения Бака.

— Какая связь?

— Никакой. Поэтому запас растёт.

Она ела быстро, отвлекаясь на схему в блокноте. Между строками у неё были нарисованы два маленьких лица: одно улыбалось, другое выглядело так, будто его укусили. Леви придвинул свою миску, освобождая ей место для блокнота.

— Лика ищет тебя после обеда, — сказала Сьюзан. — Я видела в расписании.

— Я тоже. У меня вон оно на руке.

Он показал бумажный браслет. Сьюзан отложила вилку, присмотрелась.

— Они забыли убрать вчерашнюю метку. Сегодня зелёная. У тебя ещё белая.

— Тогда меня не пустят в коридор?

— Пустят, но сначала один охранник будет вежливо сомневаться в твоём существовании.

Он старается изо всех сил.

Леви попробовал снять браслет. Пальцы двинулись слишком дружно, как при хвате поручня, и он потянул сильнее, чем собирался. Бумага разорвалась. Край задел ожог от крепления на запястье. Он выругался.

— Вот теперь точно существуешь, — сказала Сьюзан. — Отнеси им обе половины.

Она не протянула руку к его повязке. Леви смял половинки браслета в здоровой ладони.

* * *

После осмотра Лика назначила ему короткую прогулку без поручней. Двадцать шагов туда, двадцать обратно, по жилому коридору, где не работали грузовые тележки. Ни разу не хвататься за дверную раму. Она записала условие на обороте его бланка; Леви спросил, считает ли дверная рама себя медицинским прибором.

— После твоей операции даже она может подать жалобу, — ответила Лика.

Он дошёл до прачечной. Влажный воздух там был теплее, чем в коридоре, и пах моющим средством, которое не справлялось с рабочей смазкой. Сьюзан стояла у сушильного шкафа с

носком в руках. Это был тот самый носок из ангара, теперь чистый, но с коричневой полосой у пятки.

— Он прошёл войну? — спросил Леви.

— Пока только неправильный режим сушки.

— Война началась с этого шкафа?

— Я ещё не решила, с какой стороны воевать.

Она положила носок на верхнюю решётку. Леви сделал несколько шагов вдоль стены. Когда Азраил опережал его правую ногу, он слегка замедлял левую, как посоветовал Артём. На третий раз вышло почти ровно. На четвёртый Сюзан убрала с прохода корзину с бельём и поставила её к мокрым ботинкам.

— Мне велели двадцать, — сказал он.

— Я не мешаю. До мойки ещё двенадцать.

— Ты считаешь?

— Ты слишком громко это делаешь. Подошва на правой ноге щёлкает перед шагом.

Он остановился. Посмотрел вниз, сделал шаг без счёта. Щелчок всё равно прозвучал. Сюзан достала из кармана карандаш и записала что-то на этикетке своей корзины.

— Это что?

— Не твой диагноз. У меня завтра проверяют фоновой ток при обычной ходьбе. Думала, надо стелить датчик на пол. Теперь хочу послушать, что делает человек, когда его машина исправляет быстрее, чем он ошибается.

Леви прислонился бы к косяку, но вспомнил условие Лики и остался стоять на собственных ногах.

— За наблюдение положен гонорар.

— У меня есть один целый носок.

— Второй где?

Сюзан показала на шкаф. Пятка второго почернела ещё сильнее. Леви сказал, что уходит с обоими, если гонорар настолько плохой. Она засмеялась, и электрод у основания её шеи мигнул. Сюзан тут же убрала руку от металла шкафа.

— Больно? — спросил он.

— Пока щиплет. Если буду делать вид, что не щиплет, Лика меня отругает. И будет права, что особенно неприятно.

Она положила палец на собственное запястье, выждала несколько ударов пульса и пошла к выключателю сушилки. Леви отошёл в сторону, чтобы не пересечь ей путь. Сюзан не попросила его ничего придержать. Вынула вилку, дождалась, пока погаснет лампочка, и только после этого вынула носки.

— Ты могла оставить их, — сказал Леви.

— И завтра ходить в чужих? Мне не подходят ноги половины базы.

— Остальной половины?

— Остальная половина уже прячет бельё, когда я вхожу.

Из коридора донёсся стук тележки с пустыми бутылками. Сюзан дождалась, пока он стихнет. Электрод у шеи больше не мигал, но она всё равно держала пальцы на расстоянии от стальной дверцы шкафа.

— Мне Лика сказала проходить двадцать шагов, — произнёс Леви. — Но не сказала, что считать, если остановлюсь поговорить.

— От двери начнёшь заново.

— Жестокая медицина.

— Я не врач. Поэтому могу быть жестокой бесплатно.

Он прошёл до мойки и обратно. На обратном пути нога щёлкнула только дважды. Сюзан подняла два пальца, когда он поравнялся с ней; он ответил тем же движением.

У выхода из прачечной Сюзан достала из корзины сухую салфетку, вытерла каплю воды с его плеча и тут же отступила. Леви почувствовал тепло её пальцев через ткань и ничего не сказал. Сюзан посмотрела на мокрое пятно, оставшееся от салфетки.

— Не рассказывай Баку, — сказала она. — Он решит, что мне тоже нужна широкая ложка.

— Я скажу, что ты украла мою.

— Я бы выбрала тарелку.

Леви дошёл до своей комнаты без стены под рукой. На обороте медицинского бланка записал: «не спеши».

Глава 8 Вода по ведру

На третье утро Леви проснулся от того, что в коридоре кто-то стучал по пустому ведру. Звук шёл не с полигона и не от аварийного сигнала. Соседка из комнаты напротив собирала людей на раздачу воды: насос в жилом крыле встал ночью, кран на этаже давал только воздух.

Леви открыл дверь. Соседка увидела крепление Азраила у него на плече и сразу сказала, что он может не носить тяжёлое. Ему принесли бы канистру наверх. Он ответил, что сможет донести своё ведро, и пожалел об этом на первой лестнице. Плечо ещё не позволяло удерживать ручку далеко от тела; ведро билось о колено на каждой ступеньке.

Внизу стояла очередь. Возле бака с запасной водой сидел Волков, без формы, в старой вязаной шапке. Он выдавал людям по одному ведру и записывал номера комнат на обрывках упаковочной бумаги. С ним спорила женщина с двумя маленькими бутылками: в её комнате жила ещё мать после операции. Волков предлагал второе ведро, женщина отвечала, что его не унесёт. В конце концов он налил обе бутылки и нашёл подростка, который обещал поднять им третью.

— Что с насосом? — спросил Леви.

— Мотор живой, — ответил Волков. — Клапан в шахте примерз. Инга там с людьми. Не лезь помогать, пока Лика не разрешит тебе лестницу.

— Я только спросил.

— У тебя лицо человека, который уже ищет ключ.

Леви показал пустые руки. Волков налил ему половину ведра вместо полного и поставил его на пол.

— Остальное донесу сам, — сказал Леви.

— Остальное ты вернёшься и возьмёшь, если сможешь. Мне проще два раза записать твою комнату, чем вытаскивать тебя из шахты за ремень.

На обратном пути Леви встретил Сюзан. Она несла по ведру в каждой руке и двигалась так быстро, что вода почти не расплёскивалась. За ней шёл пожилой сосед с пустой канистрой; он пытался понять, почему ей дали больше нормы. Сюзан объяснила, что одно ведро для него, и предложила поменяться, если он готов нести оба. Сосед не согласился.

— Ты носишь, а я выгляжу бесполезным, — пожаловался Леви.

— Тебе ещё есть куда расти.

Она остановилась у его двери и поставила одно ведро на пол. Оно было почти полным. Леви хотел сказать, что Волков уже дал ему воду. Сюзан указала на обе ручки: одну отметили красной изолентой. Её ведро предназначалось прачечной; она просто отдыхала на его площадке. Через минуту подняла его и ушла дальше. Леви остался со своими двенадцатью литрами и ещё постоял у двери.

На этаже вода изменила утренний порядок сильнее, чем любая тревога. Дети ходили в школу с невымытыми кружками, потому что дежурная запретила ополаскивать посуду питьевой водой. У кого-то за дверью закипал большой котёл; сосед сверху обещал принести кипятком тем, у кого не работал нагреватель. В столовой сделали кашу гуще обычного и выдавали к ней яблоки, чтобы люди не требовали чай сразу после завтрака.

Леви поставил ведро рядом с раковиной. Ему хватило воды умыться и промыть крепление у плеча. Азраил отозвался на холодное прикосновение резким движением лопатки; вода выплеснулась на пол. Он вытер её тряпкой и отодвинул таз от ботинок.

К обеду клапан отогрели. Из крана пошла коричневая струйка, потом прозрачная. Соседка с ведром обошла комнаты и велела не пить первые пять минут. Леви спросил, кто назначил ей старшинство над этажом. Она сказала, что никто: просто если каждый раз ждать

назначенного человека, дети первыми напьются грязной воды. В соседней комнате действительно уже открывали кран. Соседка стукнула в дверь и повторила предупреждение громче.

Вечером Леви нашёл Волкова у входа в жилое крыло. Тот тащил вверх пустую канистру, которую кто-то оставил под лестницей после раздачи. Леви взялся за другой край. Вдвоём они пронесли её до кладовой. Волков сказал, что его начальство сегодня интересовалось не клапаном, а временем простоя мастерской: без воды там остановили охлаждение. Леви спросил, кто тогда будет менять соединение в шахте.

— Инга заказала новое. Ей отказали, потому что старое ещё держало давление. После сегодняшнего не откажут.

— Могли не ждать сегодня.

— Могли. Завтра она опять будет требовать запчасть для того, что ещё не сломалось.

Леви поставил канистру на пол. Волков осмотрел её дно: трещин не было. В кладовой уже сохли десятки вёдер. На каждом маркером написали номер комнаты, чтобы после следующей остановки люди не тратили утро на спор, чья ручка удобнее.

Перед сном Леви открыл кран. Вода шла нормально. Он наполнил кружку, оставил её на столе и зашёл к соседке спросить, вернуть ли ведро в общий запас. Она сказала оставить у себя: жилому крылу не полагалось ломаться снова, но вода пока не ознакомилась с этим распоряжением. Леви поставил ведро за дверь и, ложась, задел его ногой. Оно гулко прокатилось по коридору. Соседка постучала в стену один раз, не сердито. Через минуту из её комнаты донёсся такой же удар: она сама убирала своё ведро с прохода.

Глава 9 Вторая запись

Сьюзан привязала к запястью полоску датчика и попросила убрать из зала металлические скамьи. Камлан отодвинул ближайшую, остальные остались у стены.

— Я собираюсь коснуться двух контактов, — сказала она. — Скамьи меня пока не интересуют.

— Меня интересуют, — ответила Лика. — Вчера ты взялась за дверную ручку и оставила на ней ожог.

— Маленький.

— Ручка была большая.

Сьюзан натянула провод датчика. Утром пальцы снова сводило: средний и безымянный ненадолго прилипали друг к другу, и приходилось расправлять их другой рукой. Врач хотел увеличить нагрузку, но Лика его не пустила: сегодня Сьюзан предстояло обычное движение.

Леви наблюдал с противоположного края дорожки. Азраил под его кожей терпеливо предлагал поправить равновесие при каждом шаге. За четыре дня он научился проходить от стены до стены, не хватаясь за поручень. За эти же четыре дня у него дважды вылетала из рук зубная щётка, а утром он проснулся с ладонью, прижатой к спинке кровати так сильно, что остались отпечатки винтов.

Сьюзан заметила, куда он смотрит.

— За меня не двигайся, ладно?

— Даже если попросишь?

— Тогда обсудим.

Она приложила пальцы к двум контактам. Измеритель пискнул один раз; на экране появилась тонкая полоска тока. Сьюзан отвела руку. Полоска исчезла.

— Повтори через тридцать секунд, — сказала Лика.

— Мне хватит пятнадцати.

— Твоим мышцам нужно тридцать.

Сьюзан отступила на коврик. Из-под косынки выбилась прядь; она заправила её неработающими пальцами и разозлилась на простоту этого жеста. Леви остался на месте.

На следующей пробе полоска стала выше. Датчик выдал тревожный звук. Сьюзан успела убрать руку сама, прежде чем Лика разомкнула цепь. Под кожей у запястья проступили красные точки, будто слишком тугой браслет оставил след.

— Достаточно, — сказала Сьюзан.

— Да, — ответила Лика и подписала время остановки.

Сьюзан вышла из круга, села на скамью, которую Камлан отнёс к двери, и зажала обе ладони между коленями. Леви подошёл с водой.

— Я могу сама открыть бутылку.

— Я собирался поставить её рядом.

Она взяла бутылку. Колпачок повернулся со второго раза.

— Я думала, получится больше, — призналась она.

— Получилось вовремя остановиться.

— Ты украл это у Лики?

— У тебя. Ты только что сказала «достаточно».

Сьюзан отпила воды и чуть расслабила плечи. Когда она коснулась его запястья, ладонь была тёплой; Леви удержал руку на месте. Маленькие красные точки ещё не сошли. Он хотел накрыть её пальцы своими и вдруг посмотрел на порт под воротом. Руку оставил возле бутылки. По дороге мимо них прошла Ана, неся два термоса и свёрнутую схему. Она ткнула Баку один термос в грудь.

— Пей, пока тёплый.

— Ты говорила, он твой.

— Я сделала два.

— Тогда на одном написано моё имя?

— Если очень хочешь, напишу. И нарисую инструкцию, какой стороной подносить к губам.

Бак взял термос. Она легко провела пальцем по его плечу и пошла к стенду Сусаноо. Он проследил за ней взглядом, потом заметил, что Леви смотрит, и сделал вид, что изучает крышку.

Вечером им разрешили выйти на внешнюю станцию: забрать носитель наблюдений и вернуть двух гражданских специалистов, чья смена закончилась сутки назад. С площадки перестали приходить сводки о грунте за северной стеной. Станция стояла у склона, где после зимы каждый год приходилось подсыпать дорожку. Леви спросил, кто последним разговаривал с людьми лично.

— Реми Дюпон, — сказал Маркус. — Он вышел туда с ними вчера. В полдень написал, что за стеной опять осыпалось. Потом ответил только текстом.

— Ты ему веришь?

Маркус оторвался от экрана.

— Это одна из причин, по которым вы идёте.

На подъёмнике Бак выставил термос между ботинками и принялся возиться с застёжкой своего ранца. Ана нагнулась, затянула ремень на один паз свободнее и стукнула его по руке, когда он полез затянуть обратно.

— Сколько раз? — спросила она.

— Когда он болтается, я чувствую, что потерял груз.

— Когда ты так затягиваешь, к концу маршрута теряешь дыхание.

Бак вздохнул, оставил ремень как есть. Канзи, прижимавшая к коленям антенну, широко улыбнулась.

— У вас семейная консультация или всем можно задавать вопросы?

— Только тем, кто завязал второй ботинок, — ответила Ана.

Канзи спрятала ноги под скамью.

За наружной дверью Авалона их встретил ветер. Он бил мелкой сухой крошкой в лицо, до станции было меньше часа ходьбы по обслуживаемой тропе. Леви шёл рядом с Камланом. Азраил делал шаги слишком ровными; на неровном склоне это помогало, на каменной лестнице мешало чувствовать, где кончается ступень. Леви дважды замедлился, чтобы вернуть себе обычную неловкость.

Сьюзан оставалась на базе с Ликой и Маркусом. В наушнике её голос звучал чуть ниже привычного.

— Вы сейчас уйдёте за гребень. После него связь с перебоями. Если я замолчу, это не значит, что обиделась.

— А если мы не ответим? — спросил Камлан.

— Буду ругаться. Потом отправлю людей по вашему маршруту.

— Сначала ругаться, — сказал Бак. — Понял.

Станция стояла между двумя бетонными подпорками. От основного модуля к низкому сараю с приборами вёл крытый проход. На крыше болталась пластиковая лента — ещё с того года, когда Реми обещал её снять.

Он открыл им дверь сам: маленький человек в выцветшей шапке, с верхней губой, обветренной до крови. На рукаве темнело пятно кофе.

— Если Маркус просил расписаться, пусть присылает новый бланк, — сказал он. — Я на старом уже с обратной стороны написал.

— Про грунт? — спросил Леви.

— Про то, что мне надоело писать про грунт.

Внутри двое специалистов собирали папки и ругались из-за пропавшего кабеля. Инес нашла его под своей курткой. Юсуф объявил, что это не тот, и всё равно забрал. На плите кипел чайник. В жилом отсеке трое человек ухитрились занять все горизонтальные поверхности: тарелками, картами, носками на просушке.

Реми отобрал у Юсуфа кабель и сунул конец в прибор. Лампочка загорелась. Юсуф признал, что это всё-таки тот, и попросил больше никому не рассказывать. Инес сказала, что уже поздно: рация работала на общий канал. Канзи встала возле плиты, чтобы согреть руки, и получила от Реми кружку без ручки. Он предупредил, что у неё трещина и пить надо с противоположной стороны. Себе взял такую же, только с ложкой, навсегда застрявшей под ободком.

У Инес не проходил замок на переносном ящике; Бак хотел затянуть ремнём, но Реми попросил сначала вынуть стеклянные ампулы. Реми написал на крышке «не кантовать» и переложил внутрь пару сухих носков. За окном при каждом порыве ветра из трещины высыпалось немного земли.

Реми показал Леви из окна линию северной подпорки. По бетону шла новая трещина, видимая даже без приборов. За ней осыпалась полоса земли шириной с сапог. К сараю ходили с южной стороны; на плане эти два места не соприкасались.

— Обход там не используем, — сказал Леви.

— Я и не собирался. Мне здесь ещё спать.

Группа упаковывала носитель, когда Юсуф вспомнил о тетради с отметками за три недели. Она лежала в сарае. Реми отобрал у него ключ.

— Она нам нужна до вечера? — спросил Леви.

— Мне — нет, — признался Юсуф. — Но там всё, что я не перегнал в носитель.

Реми уже застёгивал куртку. Инес сказала, что можно вернуться завтра с горной группой. Реми ответил, что завтра по этой грязи никто не полезет за её числами, и велел ей придержать ящик с ампулами. Он обернулся к Юсуфу: «Ты хоть раз положи тетрадь туда, где потом найдёшь». Юсуф показал ему язык. Леви отвернулся к ящику, чтобы не вмешиваться в их обычную ссору.

— Я ближе. И знаю, где она валяется.

Реми пересёк крытый проход. Ветер задрал ему куртку. Он скрылся за дверью сарая, а сверху раздался звук, похожий на медленно рвущуюся ткань.

Сначала никто не двинулся. Инес продолжала держать крышку ящика, Реми с другой стороны прохода крикнул, что нашёл тетрадь. Слова пришли вместе с новым шорохом осыпи. Леви увидел, как тень от козырька уехала по полу, хотя солнце не выходило из-за облака.

— Назад! — крикнула Ана.

Край склона пошёл вниз. Сначала посыпались мелкие камни, потом подпорка наклонилась вместе с землёй. Бак оттолкнул Юсуфа от прохода. Крыша на дальнем конце сложилась; в воздух поднялся песок. Леви потерял из виду сарай.

Он бросился вперёд. Азраил выровнял его шаг по качнувшемуся настилу. Под ботинком треснула доска. Бак схватил его за куртку.

— Там ещё идёт.

— Реми! — крикнул Леви.

Из-под крыши ответили двумя ударами. Или один камень стукнул о другой. Леви повторил имя, дожидаясь голоса. Канзи оттащила Инес к основному модулю. Ана смотрела вверх, туда, где под песком проступала новая тёмная трещина.

— Бак, назад, — сказала она. — Козырёк сейчас уйдёт.

Леви вырвался из хватки и добежал до первого столба. От сарая осталась щель за сломанной балкой. Он попытался поднять её; балка не шевельнулась, зато с края крыши упал бетонный обломок. Он ударил по настилу там, где Леви только что стоял.

— Реми, если слышишь, стукни три раза!

Тишина. За спиной Бак требовал у Аны верёвку. Она хотела сперва закрепить опору. Оба кричали. Леви обернулся к ним и увидел, как трещина поднимается по верхней стене. Все трое отступили на площадку.

Никто не видел, успел ли Реми уйти в дальний отсек сарая. Когда ветер унес пыль, там тоже оказался пролом, но до него не было пути. Канзи поставила фонарь у безопасного края. Сумерки скользили по склону; за час они расчистили меньше метра.

Леви оставил Камлана у станции с фонарём и рацией, остальных увёл за подпорку. Из базы выслали горную группу. Люди с лопатами дошли ещё ночью; после второго осыпания им пришлось отойти. Камлан менял с ними караул, слушал и каждые десять минут звал Реми по имени.

На Авалон остальные вернулись поздно. Юсуф несколько раз повторил, что забыл тетрадь, пока Инес не велела ему сесть. Бак поставил на стол два термоса. Ана отодвинула один: Бак толкнул его слишком резко. Он забрал термос обратно.

В электронной ведомости Инес, Юсуф и Реми значились «на базе». Леви обновил список. Статус Реми не изменился.

— Маркус, ты видишь?

— Да. Исходную ведомость сохраняю.

Лика принесла бумажный журнал медблока. Открыла чистую страницу, придвинула к Леви.

— Как его полное имя?

На столе лежала шапка Реми. Он снял её в жилом отсеке и забыл надеть перед сараем. Внутри, на бирке, его почерком было написано: «Р. Дюпон».

— Реми Дюпон.

— Статус?

На экране можно было выбрать «эвакуирован», «погиб» или «не идентифицирован». Леви взял карандаш и написал: «Реми Дюпон. На станции. Поиск продолжается». Добавил время, когда слышал его голос в последний раз.

Бак прочитал строку через его плечо.

— Завтра я иду первым, — сказал он.

— Пойдём вместе, — ответил Леви.

Бак не сказал «ладно». Он забрал термос и вышел в коридор. Ана осталась у стола и слишком долго развязывала узел на рукаве куртки.

Глава 10 Возвращение

Утром Сьюзан принесла на сбор три бутерброда в бумаге. Один протянула Леви, второй отдала Канзи, третий оставила на столе перед Бакком.

— Я ел, — сказал он.

— Этот для Аны. Ты всё равно понесёшь.

Ана проверяла застёжки на страховочных жилетах. Увидела бутерброд и вопросительно подняла бровь. Бак молча сунул его во внешний карман ранца, где она могла достать сама.

Леви разворачивал свой, пока Маркус собирал людей. Он уже говорил с горной группой: за ночь склон перестал двигаться. Канзи проверила верёвку, Бак взял две лопаты. Ана попросила его оставить одну.

— Тебе руки понадобятся, — сказала она.

— У меня две.

Утренний бутерброд так и остался во внешнем кармане ранца.

На станции Камлан сидел на перевёрнутом ящике, укрывая ладонью огонёк горелки. Ночью он стал звать Реми реже, чтобы слышать ответ. У дальней стены сарая открылось место для подхода.

Бак работал первым, потом уступил Камлану. Леви подавал обломки по цепочке. Канзи пролезла в образовавшийся проём и попросила фонарь. В темноте исчезли её плечи, потом ботинки. Она задержалась так надолго, что снаружи перестали разговаривать.

В проём нельзя было подать второй фонарь: Канзи занимала его целиком. Леви снял свой и передал ей через плечо, ударившись запястьем о край плиты. Она сказала, что видит стеллаж и часть пола, но дальше нужен ещё метр. Бак снова взял лопату, хотя Ана уже велела ему пить. Два раза он вытаскивал одинаковые куски штукатурки и бросал их в одну кучу, пока Камлан не показал, что за ними идёт целая балка. Её пришлось освобождать руками.

Юсуф всё время предлагал другую сторону сарая. Леви дал ему держать мешок для мелкого мусора. Мешок быстро порвался о гвоздь. Юсуф выругался и попросил новый.

— Нашла, — сказала она.

Реми лежал возле внутреннего стеллажа. Над ним сдвинулась бетонная плита. Канзи спросила, слышит ли он её. Под стеллажом нашлась его рука. Она лежала ладонью вверх, пальцы были в сухой земле. Канзи коснулась запястья, потом высунула голову из проёма и попросила не светить ей в глаза.

Лика спустилась в проём с другим медиком. Леви остался возле края с выключенным фонарём, слышал, как она просит медика подвинуться и как оба пытаются развернуться, не задев плиту. Никто снаружи не спрашивал, сколько ещё. Когда Лика выбралась, лицо у неё было в цементной пыли; она вытерла щёку тыльной стороной перчатки и оставила серую полосу.

— Он умер, — сказала она. — Точное время я не назову.

Юсуф, приехавший с ними несмотря на уговоры Инес, спросил про тетрадь. Бак посмотрел на него так, что Юсуф опустил глаза.

— Она у него под рукой, — сказала Канзи из сарая. — Пока не трогаю.

Юсуф сел на ступеньку. После нескольких минут попросил всё-таки принести её. Леви принёс. Обложка была в пыли, на нижнем углу отпечатался большой палец Реми. Юсуф раскрыл тетрадь не там, где нужны были измерения, а на странице со списком еды: «чай, лук, персики, если снова привезут». Персики были зачёркнуты. Юсуф показал страницу Инес, словно только она могла объяснить эту запись.

— В прошлый раз сгнили по дороге, — сказала Инес. — Он всё равно спрашивал у водителя, нет ли их внизу.

Юсуф потер большим пальцем зачёркнутое слово. На соседнем листе были его собственные цифры, аккуратные колонки, которые Реми перенёс за него, пока тот болел. Он закрыл тетрадь не сразу. Песок с переплёта остался у него на коленях.

Проём, через который пролезла Канзи, был слишком узким для носилок. Камлан снимал боковую панель, Бак придерживал её снизу. Последний болт пришлось вывернуть пальцами. Ана подала Баку свою перчатку с тонким захватом. Он положил её рядом и продолжил голой рукой. Когда панель освободилась, Лика попросила всех отойти. Бак остался на колене ещё несколько секунд, зажимая болт в кулаке, потом поднялся.

Вчера Реми торопил их при погрузке. Теперь грузили долго и почти без слов. Инес стояла у двери сарая с пустыми руками. Когда носилки прошли мимо, она отступила к стене. Юсуф начал объяснять ей, что плита держится на боковой балке и потому они не могли раньше зайти с другой стороны. Она попросила его помолчать хотя бы до транспорта. Он кивнул, а через минуту снова заговорил — уже о том, куда поставить тетрадь, чтобы она не намокла.

Канзи попросила Сьюзан сохранить вчерашний общий канал. Запись последнего ответа Реми оборвалась до обрушения; никаких «последних слов» на ней не было. Сьюзан сказала, что сделает копию, и не предложила включить её сейчас.

Леви достал бумажный журнал. Под вчерашней строкой «Поиск продолжается» записал место обнаружения. Рядом подписалась Лика. Маркус долго искал ручку, хотя та торчала у него из нагрудного кармана.

Обратную дорогу Юсуф прошёл рядом с Леви. У самого Авалона сказал:

— Он пошёл за моей тетрадью.

— Он сам взял ключ.

— Я знаю, где он её нашёл.

Юсуф остановился, поправил ремень пустой сумки и вошёл через турникет первым.

В медблоке личные вещи Реми раскладывали на отдельном столе. Шапка, складной нож, два карандаша, пропуск с фотографией, на которой он не носил усов. Лика спросила у Камлана, знает ли тот, кому всё это передать. Камлан знал имя, но не знал, захочет ли человек получить вещи через него. Они оставили пакет закрытым и пошли искать номер.

Маркус пришёл к Лике уже после обеда. Он принёс распечатку неправильной ведомости и начал объяснять, почему система отметила Реми вернувшимся. Лика дала ему договорить до середины.

— Я сегодня не могу слушать про ведомость, — сказала она.

Маркус замолчал. Ему ещё надо было сообщить о ней начальнику смены. Он сложил распечатку пополам и убрал в карман.

В столовой Бак сел не на своё место. Ана поставила перед ним бутерброд, который утром так и не достала из ранца. Хлеб размок. Бак оттолкнул его.

На столе стояли два пустых стакана. Бак подвинул один к себе и налил воду, но не пил. Ана попробовала раскрыть бумагу с бутербродом, та прилипла к хлебу. Они вместе смотрели, как она снимает её узкими полосками. За соседним столом кто-то уронил вилку; Бак резко оглянулся и покраснел от того, что оглянулся.

— Ты могла дать верёвку вчера.

— Я видела, куда шла трещина.

— Я тоже видел.

— Тогда зачем просил?

За соседним столом кто-то громко рассказывал, что в прачечной опять перепутали форму. Бак встал, забрал нетронутый бутерброд и вышел. Ана осталась. Через минуту она доела свой суп, холодный, не поднимая головы.

Сьюзан нашла Леви возле запасного лифта. Пластырь на запястье у неё отстал с одного края. Она попыталась приклеить его и попросила Леви придержать бутылку воды, пока работает другой рукой.

— Ты сегодня уже ел? — спросила она.

— С утра.

— Сейчас почти вечер.

Он взял бутылку, хотя пить не хотел. От её рукава пахло свежим пластырем и прачечным мылом; Леви различал запах даже у открытого лифта. Сьюзан спросила, пойдёт ли он с ней на поверхность, пока ещё светло. Он согласился. Они вышли через жилой сектор, где двое техников затеяли спор о том, чья очередь выбирать музыку для общей кухни. Один требовал вернуть старую запись; второй утверждал, что она длится двадцать шесть минут, а смена — двенадцать часов. Сьюзан вмешалась, предложила поставить запись задом наперёд. Техники не поняли, шутит она или нет, и спор продолжился без них.

На улице Сьюзан шла медленно. Она пыталась снять с пальца узкую нитку пластыря, но пальцы плохо слушались. Леви не предложил помощи. Возле низкой стены она наконец остановилась и с досадой сунула руку в карман.

— Ты всё время смотришь под ноги, — сказала она.

— Ступени.

— Здесь ровно.

Он поднял голову. Над склоном не было ничего, кроме позднего света и двух птиц, споривших за место на ограждении. Они постояли, пока одна птица не уступила.

Вечером Петер пришёл домой раньше обычного. Зоряна требовала, чтобы он достроил козе крыльцо. Он сел на пол в куртке и принялся резать картон. Нина спросила, зачем он привёз с собой песок на подошвах. Петер ответил, что забыл вытряхнуть ботинки. Нина села рядом, взяла у Зоряны линейку и придержала картон, пока Петер вёл ножницы по разметке.

Леви вернулся в ангар один. У поручня он прошёл два поворота, почувствовал, как Азраил подхватывает плечо, и остановился. На обороте врачебного бланка по-прежнему стояло «не спеши». Он убрал лист.

Вечером Леви собирался вернуться в жилой сектор, когда Волков перехватил его возле лифта.

— Семён ждёт.

— Я сегодня уже отчитался.

— Значит, ему понравилось.

Семён Игоревич был в кабинете один. На столе лежали журнал выхода к станции, карта склона и лист, которого утром там не было.

Леви остался у двери.

— Если опять про Реми, я написал всё, что видел.

— Поэтому не про Реми.

Семён перевернул лист к нему. В верхней строке стояло его имя. Ниже — группа «Эхо».

— Люди уже идут за твоими решениями, — сказал Семён. — Даже когда ты не отдаёшь приказ.

— Это их ошибка.

— Тогда придётся отвечать и за неё.

Леви прочитал документ ещё раз.

— Командир?

— Капитан. Оперативная группа «Эхо». Пока здесь, пока группа существует и пока ты сам не откажешься.

— А если откажусь сейчас?

— Назначу другого.

— Кого?

Семён посмотрел на него поверх листа.

— Вот поэтому я сначала спросил тебя.

Леви взял ручку. В строке согласия оставалось место для подписи.

— Полномочия?

— Останавливать выход. Менять порядок эвакуации. Требовать повторную проверку данных. Снимать человека с операции, если считаешь, что он не вернётся.

— Даже если система считает иначе?

— Особенно тогда ты и понадобишься.

Леви подписал.

За дверью что-то негромко ударило о стену.

Семён посмотрел туда.

— У тебя уже есть дисциплина в подразделении.

Леви открыл дверь.

По коридору одновременно дёрнулись две фигуры.

— Ай! Лика! Сю!

Лика ускорила и скрылась за поворотом.

Сюзан остановилась. Потом с кошачьей грацией нагнулась прямо перед ним.

Леви не успел затормозить и врезался в неё.

Сюзан медленно обернулась через плечо.

— М-м-м. Нежнее, капитан. Что ты сейчас сказал?

— Я... я позвал вас.

— Нет-нет. Ещё раз. Медленно.

Леви нахмурился.

— Лика. Сю.

У Сюзан дрогнули уголки губ.

— Да. Именно это. **I like ass, Sue?**

Леви несколько секунд смотрел на неё.

— Что?

— «Мне нравится задница, Сю». Очень смело для первого приказа, капитан.

Она рассмеялась.

Из-за угла показалось лицо Лики.

— Сюзан, он сказал не это.

— Поздно, — ответила Сюзан. — Я уже услышала.

— Я сказал ваши имена.

— Не стесняйся, капитан.

— Боже...

Сюзан развернулась и пошла к Лике.

— Ка-а-апитан, — бросила она через плечо и ехидно подмигнула.

Леви посмотрел на документ у себя в руке.

Новое звание прожило меньше минуты, прежде чем стало поводом для издевательств.

Это почему-то немного помогло.

Часть

II

Кто имеет право считать цену

Глава 11 Две подписи

Наутро после возвращения со станции Лика получила медицинский акт о смерти Реми Дюпона и бумажный журнал с двумя записями Леви. Распределительный сервер тем временем выделил Реми койку в седьмом секторе и отметил, что он не получил завтрак.

Медсестра седьмого сектора знала Реми: он складывал грязные чашки возле раковины, сколько его ни просили убирать за собой. Койку под его номером давно занял другой человек. Снять имя без отметки о возвращении всей группы она не могла; повар уже требовал расписаться за недостающую порцию завтрака. Лика попросила оставить поднос у стойки и пошла к Маркусу.

У Маркуса на столе стоял открытый чайник, из которого давно выкипела вода. На одном экране Реми числился вернувшимся; на другом не было отметки турникета.

— Возвращение отметили по группе целиком, — сказал он.

— Снимешь отметку?

— После проверки всей группы. Правило придётся менять отдельно.

Снять одного человека из групповой отметки значило пересчитать всех, кто вернулся.

— Их можно спросить.

— Всех семерых?

— Живым это проще, чем Реми.

Маркус отодвинул клавиатуру.

В медицинском архиве Лика написала семь фамилий на старой форме и добавила от руки графу для тех, чьё положение неизвестно.

В дверях появился Семён Игоревич. Он оставил пальто у секретаря, но в архив спустился сам. Взял верхнюю форму и прочитал заголовок.

— Вы пересматриваете эвакуацию?

— Отдел распределения считает Реми живым.

— Я видел рапорт. Исправьте статус.

— Изменение статуса не исправит маршрут, — сказала Лика. — Завтра эта же ошибка запишет кого-нибудь ещё в другом секторе. Тогда мы будем искать не там.

Семён посмотрел на стопку листов.

— Завтра у нас выход к гражданскому коридору. Если вы остановите допуск всех после каждой неисправной строки, мы никого туда не отправим.

— Я прошу десять минут на семь человек.

— Вы просите, чтобы связь подписывала медицинскую карту.

— Только отметку прибытия. Причину смерти Реми я не передам инженерам, и пусть инженеры не назначают живых по пакету данных.

Маркус вошёл следом: сводки со склона оборвались ещё до обвала. Он проверит это отдельно от личных дел.

Семён положил форму на стол. В его расписании уже стояли машины, грузчики, дежурные. Он постучал пальцем по слову «подтверждено».

Секретарь заглянул в архив с вопросом о завтрашних пропусках. Семён попросил подождать за дверью. Лика передвинула форму ближе к нему и показала строку, где свидетель мог написать «не видел». Семён прочёл её и потёр переносицу.

— Кого вы назначите вторым подписантом?

— Того, кто получил данные независимо. На базе это врач и сотрудник связи; на выходе — оператор и местный свидетель, если он может говорить и понимает вопрос. Иначе оставляем запись неполной.

— Местный свидетель может ошибаться.

— Поэтому подписи две.

Семён ещё раз просмотрел форму.

— На один выход. Вечером принесёте мне результат. Если очередь застрянет из-за бумажной работы, придёте с решением, как её ускорить.

— Приду, — сказала Лика.

Он ушёл, забрав одну копию. У Канзи ночью снова было пять пробуждений; Лика назначила ей осмотр после смены. Последним пришёл Леви.

— И снова ты, — сказал он. — Вчера меня считали по голосу.

— Сегодня по лицу, пульсу и подписи. Если хоть один способ тебя раздражает, скажи.

— Бумага. От карандаша рука устаёт.

— Тогда садись. Вторая подпись подождёт.

Леви сел и вывел фамилию медленно. Под лопаткой дрогнул Азраил; пальцы попытались закончить росчерк быстрее. Лика заметила, как он остановился, ослабил хватку и написал последнюю букву сам.

— Что показал вчерашний порт? — спросила она.

— Температуру в пределах. Датчик не любит повороты, которые я люблю.

— У меня в журнале другое: ты побежал к сараю, когда Ана уже видела вторую трещину.

— Я слышал её.

— Тогда в следующий раз скажи вслух, куда идёшь. Не только ей. Сюзан на связи не знала, где ты стоишь.

— Я сказал Камлану.

— Камлану — не Сюзан. В следующий раз скажи в общий канал.

Леви посмотрел на графу для второй подписи, потом кивнул.

Рядом ждала Инес. Она принесла с собой пустую кружку Реми — ту, без ручки, — и поставила на край стойки. Когда Леви освободил стул, она села и спросила Лику, вправе ли расписаться за минуту, в которую Реми ещё был с ними. Лика ответила, что в журнале это уже записано словами Леви, а здесь нужна только её собственная отметка прибытия. Инес раздражённо отодвинула бланк. Потом вернула, подписала и спросила, может ли оставить кружку в медицинской комнате, пока разберётся с вещами со станции. Лика нашла для неё место на нижней полке.

К обеду ошибочную отметку сняли. Медсестра седьмого сектора позвонила сама: койка Реми исчезла с экрана. Омлет остыл, и она съела его стоя между двумя вызовами. Лика вспомнила, как Реми однажды час ворчал из-за сладкого перца в омлете, и сказала, что этот он наверняка не взял бы. Медсестра рассмеялась и почти сразу замолчала.

В коридоре Канзи ждала у автомата с водой. Держала две бутылки: свою и чужую с надписью «Бак», сделанной толстыми буквами на крышке.

— Ты опять назначила мне осмотр, — сказала она.

— После выхода. Он ещё не состоялся.

— Вот именно. Вечером я могу быть занята.

— Тогда сейчас договоримся о времени.

Канзи крутила чужую бутылку в руках.

— Бак ходит за мной с едой. Ана велела ему следить, чтобы я ела. У вас с ней есть общий штаб для таких вещей?

— Нет. Она меня туда не пустила бы.

Канзи усмехнулась, но бутылку оставила на коленях. Лика села рядом и спросила, что та помнит после последней стабилизации. Канзи назвала все приборы, показания и порядок выхода. На вопрос о боли ответила позже, после паузы: сперва жгло возле виска, ночью болела челюсть. Раньше в карте стояло «жалоб нет».

Лика записала дословно. На следующей операции Канзи назовёт боль по каналу сразу, даже если задача ещё идёт.

К вечеру пришло сообщение из гражданского коридора: у нескольких эвакуируемых совпали ответы на вопросы медиков, сказанные с одинаковой паузой. Лика позвонила человеку, который составлял запись. Он был измучен и раздражён, но подтвердил: слышал людей собственными ушами. Имена назвал по одному.

Завтрашний выход оставался в графике. Лика вписала в его бумажную ведомость всех, кого должны были проверить на месте, и оставила рядом пустые строки. Когда Семён спросил, зачем их столько, она ответила:

— Узнаем после возвращения.

Глава 12 Семь минут

В гражданском коридоре пахло мокрой одеждой и краской. Две недели назад здесь проводили разметку эвакуационного пути; стрелки на полу были ещё яркими, хотя люди уже протоптали по ним серые дорожки. Канзи шла за Баком, держа в одной руке контейнер NESP, в другой — сложенный список имён, полученный от Лики.

У входа их встретил дежурный с бледным лицом и исписанным рукавом. Пока отключалась связь, он отмечал людей прямо на ткани: шесть фамилий, номера секций и возле одной большой вопросительный знак.

— Почему вопрос? — спросила Канзи.

— Женщина сказала, что её зовут Милена. Потом все остальные сказали то же самое. С ней говорили нормально ещё ночью.

Он проводил их к закрытой двери. За стеклом сидели семеро: пятеро взрослых, подросток и женщина с перевязанной ладонью. Каждый держал личный пакет с документами. Никаких одинаковых жестов; один человек теребил ручку сумки, другой пытался развязать шнурки на ботинке. Канзи уже готовилась сказать, что дежурный напрасно их вызвал, когда с конца коридора ударил металлический звук.

Семеро подняли головы в одну сторону.

— Откройте вторую дверь, — сказали они.

Голоса не совпали по высоте. Пауза перед словом «вторую» была одинаковой.

Бак шагнул к замку. Канзи остановила его за рукав.

— За ней что?

— Сервисная шахта. Леви проверяет наружный отсек.

— Тогда не открывай, пока не ответит.

Она включила NESP. Тонкая полоска интерфейса легла вдоль шеи, неприятно холодная у затылка. На медицинском экране появилось семь биосигналов и её собственный. Система умела удерживать внимание человека на одной выбранной мысли, мешая внешнему импульсу подменить её. В лаборатории это работало пятнадцать минут. На живой группе Канзи сама ограничила первую пробу семью.

— Вы меня слышите? — спросила она через дверь.

Подросток поднял руку. Остальные промолчали.

— Как тебя зовут?

— Денис.

— Тебе нужно идти через эту дверь?

Он посмотрел в сторону шахты и не смог ответить. Его рука медленно опустилась на колено.

Канзи дала системе минимальную нагрузку. Денис вздрогнул, потряс головой.

— Я хотел спросить, почему мы ещё сидим, — сказал он. — Там люди ждут.

— Какие люди?

— Мне показалось, кто-то звал. Я не знаю.

NESP снял эту фразу с общего контура. Остальные шестеро сразу повернулись к Денису. Канзи почувствовала, как тонкая связь тянется от него дальше по комнате, к женщине с перевязанной рукой, к мужчине возле дверцы шкафа. Она добавила нагрузку. Возле левого виска кольнуло.

— Бак, давай выводить по одному. Начни с него.

— Я рядом, — ответил Бак.

Канзи открыла первую дверь на ладонь. Денис протиснулся, едва не задев её контейнер. Бак повёл его к чистому проходу. Подросток оглядывался, но отвечал на своё имя без задержки.

Следом вышла женщина с бинтом. Её звали Милена — имя из дежурного рукава принадлежало только ей. При первой попытке она села обратно и потянулась к сервисной шахте. Канзи спросила, кто перевязал ей руку. Милена рассказала: соседка из второго отсека, стянула бинт так крепко, что пальцы посинели. Пока она ругалась на соседку, Бак вывел её за дверь. Своё имя она произнесла сама.

— Три минуты, — сказал дежурный. Он держал часы у самой стены, чтобы Канзи видела.

Она кивнула. В ушах зашумела кровь. Канзи снова увидела, как оставшиеся повернули головы к шахте. Ей хотелось крикнуть, чтобы они смотрели на неё, но Денис уже вышел, когда нашёл собственный ответ. Она спросила женщину у шкафа, что та держит в пакете. «Ключи», — сказала женщина, не отводя глаз от шахты. Потом посмотрела вниз и пересчитала связку. Только после этого шагнула ближе к выходу.

Леви вышел на связь из наружного отсека.

— Шахта закрыта. С той стороны кто-то проверял замок. Следов инструмента нет. Я оставляю охрану и вернусь к вам.

— Здесь четверо ещё внутри, — ответила Канзи. — Сначала люди.

Третий мужчина задержался из-за сумки со сменными фильтрами для дыхательного аппарата жены; протиснул её перед собой и ни на миг не выпустил. Пожилая женщина отказалась идти, пока сосед за стеклом не поднял два пальца. Тогда она встала и дошла до порога.

У двери женщина спросила, вернут ли ей мешок с бельём. Канзи сначала не поняла, о каком мешке речь: возле стула ничего не было. Женщина показала на кусок ткани, зажатый под ногой соседа. Тот поднял ногу, извинился и протянул мешок через порог. На это ушло меньше минуты, но Канзи всё время чувствовала, как чужой зов опять подтягивает к себе их внимание. Она удержала нагрузку на минимуме. Женщина забрала мешок и сама шагнула в чистую часть коридора.

Женщина с ключами держала связку перед собой всю дорогу до выхода.

На пятой минуте помещение качнулось от нового удара по наружной двери. Двое оставшихся больше не отвечали хором, но снова повернулись в сторону шахты. У Канзи свело челюсть. Она прикусила язык и почувствовала кровь.

— Бак, мне нужна смена у выхода, — сказала она.

— Выводим последних. Ты держишь?

— Ещё минуту. Потом выключу.

Он поднял ладонь, показав, что услышал именно срок, а не только просьбу продолжать.

Шестой вышел быстро. Седьмой, сухой мужчина в чужой куртке, остановился напротив Канзи. За её плечом он видел ту дверь, которая всё время притягивала их взгляды.

— Там моя сестра, — сказал он.

— Как её зовут?

Мужчина растерялся. Назвал имя, потом другое. В его карточке не было сведений о родственниках.

— Может быть, она там, — сказал он уже тише. — Я слышал её голос.

— Я не знаю, кто за дверью. Здесь ты сможешь остаться и проверить это позже. Сейчас мне нужна твоя фамилия для медиков.

Он сказал, что фамилия не поможет узнать, там ли сестра. Канзи согласилась. За стеклом Бак приоткрыл рот, собираясь его поторопить, и она показала ему ладонью подождать. Мужчина сел на корточки прямо перед порогом. Снял куртку, вывернул один карман: там была карточка с фотографией двух детей. Он ткнул в старшую. «Она». Канзи посмотрела на фотографию. Потом попросила карточку не убирать.

Он назвал фамилию, запнулся на втором слоге, назвал снова. Бак подал ему руку. Мужчина посмотрел на ладонь, потом взялся за неё. С карточкой в другой руке он вышел.

На дисплее осталось двадцать две секунды до установленного ею предела. Леви уже шёл навстречу по коридору. Канзи выключила NESP. Под коленями прошла слабость, и ей пришлось опереться на раму двери.

— Все вышли, — сказал Леви.

— Семь, — ответила она. — Ты проверил шахту?

— Закрыта с обеих сторон. Причину толчков ищут отдельно. Поедем отсюда.

Бак занёс контейнер в транспорт. Канзи попыталась снять шейный контакт сама, но пальцы слишком сильно дрожали. Он отступил на шаг.

— Помочь?

Она кивнула. Бак отстегнул крепление и положил контакт в чехол, не касаясь повреждённой кожи. Канзи взяла бутылку воды, выполоскала кровь изо рта и вернула её ему.

— Язык прикусила. И челюсть болит с середины работы.

— В журнале скажешь?

— Лике уже обещала. Ей нужен и момент, когда началось.

Бак отыскал среди инструментов карандаш. Канзи написала на свободном углу листа: «Пятая минута. Левый висок, затем челюсть. Выключила сама». Листок получился неровным, но слова читались.

Позже в медблоке она положила его перед Ликой прежде, чем та спросила о самочувствии. Лика посмотрела на запись, потом попросила показать язык. Канзи открыла рот и закатила глаза: приятно было раздражаться на обычный осмотр, который наконец имел смысл.

Она попросила зеркало. На языке обнаружилась небольшая неровная ранка, совсем не похожая на боль, которую Канзи несла от двери до машины. Лика дала ей лёд через салфетку. Канзи сидела с ним у щеки и слушала, как за перегородкой спорят о порядке фамилий в списке: дежурный записал женщину с бинтом под чужим именем и теперь отказывался перечёркивать строку без свидетеля. Канзи крикнула, что Милена вышла второй. Ей ответили, чтобы сначала закончила осмотр. Она сделала лёд виноватым во всём и прикусила салфетку.

Человека, который пытался открыть сервисную дверь снаружи, Камлан привёл в карантин через другой вход. Канзи оставила тающий лёд у щеки и спросила, как он назвался.

Глава 13 На четыре пальца

В Авалоне построили вторую теплицу, прежде чем поняли, что вода до неё доходит только по вторникам. Труба проходила через старую кладовую, где рабочие держали мешки с известью; каждую зиму на этом участке появлялись новые хомуты. Ана предложила поставить накопительный бак прямо у теплицы. Бак привёл Тиамат, чтобы поднять его на опоры. Через десять минут они стояли по разные стороны пустого бака и ругались из-за пола.

— Он выдержит, — сказал Бак. — Я уже вешал сюда груз тяжелее.

— Над соседней балкой. Здесь под нами бывший слив. Я видела план.

— Плану сорок лет.

— Полу больше.

Тиамат стоял в коридоре, не входя в теплицу. Его плечи едва проходили между двумя рамами с рассадой. Внутри работница рассаживала томаты и делала вид, что не слышит спор. У неё на шее висела верёвочка с ключом; когда она наклонялась над ящиками, ключ бился о край стола.

Ана присела у люка и пустила вниз складную линейку. Та упёрлась в пустоту раньше, чем должна была. Бак ещё несколько секунд держал взгляд на том месте, куда собирался поставить бак.

— Если сдвинуть на полметра?

— На четыре пальца от твоей левой стопы проходит целая балка. На полметра — уже пусто.

— У тебя очень длинные пальцы.

— Я покажу рукой, если ты выйдешь из доспеха.

Бак сделал ещё один шаг внутрь. Под левой опорой Тиамата плитка издала короткий сухой звук. Работница подняла голову. В проходе за её спиной стояло три ящика с сеянцами; вывести их быстро не получилось бы.

— Стой, — сказала Ана.

— Держу нагрузку. Бак пуст.

— Я не про бак.

Под левой опорой шла трещина. Бак снял правую опору с плитки. Хруст не повторился. Ана взяла мел и обвела повреждённый квадрат, чтобы по дороге к грядкам на него не наступали.

— Выйди. Сейчас, — сказала она.

Бак вышел из теплицы спиной вперёд. Снаружи разомкнул плечевые пластины, вытер рукавом пот со лба и посмотрел на неё без улыбки.

— Ты кричишь так, будто я нарочно хотел уронить пол.

— Я кричала, потому что ты ещё стоял на нём.

— Я услышал с первого раза.

— Ты сделал шаг после первого раза.

Бак открыл рот. Ана уже проверяла, не упёрлась ли линейка в старую трубу вместо балки. Её руки были в мелу, прядь волос прилипла к щеке. Бак поднял переносной домкрат и поставил рядом с ней.

— Сначала покажи четыре пальца.

Она показала. Его пальцы оказались шире, и они оба проверили расстояние рулеткой. Ана всё равно осталась права. Бак выругался, теперь уже над отметкой, а не над ней. Работница засмеялась над томатами, не пытаясь скрыть звук.

Им понадобилось ещё два часа. Бак поглядывал на Тиамат в коридоре, но за бак взялись вместе с рабочими теплицы. Когда первую опору поставили на балку, Ана велела отпускать вес по одному. Бак отпускал последним, дождавшись её сигнала.

После обеда воду дали на пробу. По шлангу она пошла рывками, зелёный налёт из старой трубы забил сетку на входе. Бак снял сетку и промыл у раковины. Работа, которую он приехал делать в Тиамате, закончилась тем, что он полчаса выковыривал из мелких отверстий песок кончиком ножа.

— Так выглядит моё призвание? — спросил он Ану.

— Не знаю. Ты очень убедительно сидишь на табурете.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.